

попаданец

Тарас Асачёв
ТЁМНАЯ
СТОРОНА

Темная сторона

Тарас Асачёв

Темная сторона

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Асачёв Т. С.

Темная сторона / Т. С. Асачёв — «АСТ», 2016 — (Темная сторона)

ISBN 978-5-17-097569-3

Он – палач. Человек без чести и совести. Он – «темный жнец», отреченный от церкви. Он – друг светлого монаха и отличный повар, человек Короны и ее представитель перед Смертью, страх горожан и друг говорящего с духами. Он – враг светлого бога. И он чужд этому миру. Он – палач, проснувшийся без памяти, потерявший свое имя и свое прошлое, получивший только метку с Темной стороны и свое оружие. Его путь неведом ему, но ему помогает сама смерть в его нелегком пути. Его друзья – ведьмы, убийцы, монах и ворон. И он знает, что никто не отнимет у него права на счастье и будущее.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-097569-3

© Асачёв Т. С., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Часть 1. Орудие смерти – палач	6
Глава 1. Первые дни	6
Глава 2. Пятый день	18
Глава 3. Выходные	23
Глава 4. Трудная неделя	30
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Тарас Асачёв

Темная сторона

© Тарас Асачёв, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Часть 1. Орудие смерти – палач

Глава 1. Первые дни

Я, наверно, и раньше догадывался, что пробуждение – зло во всех его мрачных красках. Но сегодняшний день переплюнул все мои ожидания. Просыпаться от тяжелого удара по спине – удовольствие отдельное и явно не для меня. Представьте, не успел ни проснуться, ни ответить, а тут уже второй удар перевернул меня в жидкую грязь, в которой я собственно и лежал. Определенно – утро не задалось. Кто бы сомневался... Подперев тело руками, попытался встать, и получил еще раз большим сапогом по лицу, отчего меня «немножко» подкинуло. Рядом раздались редкие смешки и перешептывания, но первых было больше. Весело вам? Я же смог слегка откатиться и подняться на колени. Что тут можно понять за то время, пока очередной удар не вернет тебя к исходной позиции? Я был голым и грязным, что само по себе неприятно. А кто был рядом со мной? Рыцари, мать их ети. Натуральные, закованные в латы рыцари, с рогатыми шлемами и забралами. На поясах у каждого был либо топор, либо меч, щитов почти нет. Большого рассмотреть не удалось. Наконец, они со мной вышли на диалог, очевидно, когда я в грязи, это делать проще и безопаснее, для них, разумеется. Звуки голосов шли словно издали, но ничего все равно непонятно – как сквозь вату. Меня снова ткнули в грязную лужу лицом. Пришлось повернуть голову и сплюнуть грязную воду и собственную бороду – не самые приятные и любимые вкусы. Мои руки были заломлены за спину и практически сразу отпущены, нет – не обе. Мою правую руку стали выламывать под неприятным углом, но о сопротивлении речь пока не шла. Я делал выводы и пытался понять, что вообще здесь делаю. Наконец, мою руку потискали и отпустили. Немного привстав, я еще раз посмотрел на рыцарей, в чьей сексуальной ориентации появились большие сомнения. Дети двух отцов, сто процентов, по крайней мере, по поступкам и деяниям, или это одно и то же? Один из пятерки рыцарей, что окружали меня, выступил поближе и наклонился ко мне.

– Ты меня понимаешь? – голос был приятный, чего не скажешь о запахе изо рта. Я кивнул. Ну, а чего тут скрывать? – Ты помнишь себя? Кто ты?

Вопрос на миллион. Вот же гад, пока не спросил – меня это вообще не беспокоило. Огляделся. Помимо лужи, где я так удобно сидел, вокруг был прекрасный светлый лес с травками и кустиками. А еще тут торчал неплохой нож, по самую рукоять в землю, замазанный в крови и грязи. Я снова посмотрел на говорившего латника и покачал головой. Вот еще отвечать ему – не заслужил еще. Рыцарь кивнул своим редким мыслям и приказал поднять меня и выдать мне плащ. А вот за это спасибо, плюс один к карме доброго душегуба. Меня выдернули из грязной лужи и поставили на землю. Накинули на плечи плащ, что вонял и собаками и лошадьми в равной пропорции. Бока болели невероятно, наверно, синяки будут с кулак размером. Ко мне подошел тот самый рыцарь, а зря. Я очень обидчивый.

Выхватив из-за пояса нерадивого рыцаря небольшой нож, я приставил его к горлу латника. Сделал я это почти рефлекторно и столь быстро, что никто даже шелохнуться не успел. Латник удивился и, кажется, слегка расстроился. Глаза его забегали, и люди вокруг стали суетиться.

– Мы поможем тебе. Не глупи, – тихо и немного нервно заговорил латник. Я придавил нож. – Шаман! Мы отведем тебя к шаману короля! – зачастил нервный рыцарь.

Я убрал от его шеи нож и почувствовал чужой клинок на своей спине. Крутанув ножик в своих руках, запустил его обратно за пояс рыцаря. И улыбнулся своими разбитыми губами.

– Тогда води, – сказал я и прислушался к собственному голосу. Незнакомому голосу.

Шли мы минут двадцать, периодически натываясь на обрывки окровавленной одежды и брошенных вещей среди буйной зелени этого леса. А затем вышли к небольшой карете без крыши. В упряжи были четыре лошади. Еще три стояли привязанные к деревьям. В повозке сидел парень без лат, но со взведенным арбалетом. Рыцарь сказал, что все спокойно, и парень опустил дистанционное оружие. Меня разместили в повозке, откуда предварительно убрали все режущее и колющее. Уважение? Беспокоятся, что я поранюсь? Не верю.

В дороге все сидели молча. Ласковый теплый ветерок трепал мои немытые волосы, солнышко сушило грязь на теле. Три добрых человека смотрели на меня не отрываясь, а я, воспользовавшись минуткой – уложил свой плащ на скамье кареты и откинулся на борт. Красота. Да вот недолго я кайфовал под мягким весенним солнцем. Впереди показался город. Я сел и прикрыл голые плечи. Первая линия города была пересечена деревянным частоколом из толстых бревен. Из таких же бревен были сделаны домики и крупные двухэтажные избы. Я смотрел на всё, мне всё было интересно. Красивые дома, стога сена, яблоневые сады, странные крестьяне, коих тут было несколько сотен. Дорога, выложенная плоским камнем. Колодцы, около которых стояли красивые девушки в пестрых платках и с ведрами в руках. Люди снимали шапки при виде нашей группы и иногда кланялись. Деревню мы пересекали не очень долго, не заскучаешь, и вышли к каменным стенам города. Стена из камня возвышалась над дорогой на высоту около пяти метров, края стены были выложены зубцами, между которыми стояли стражники или охранники. Еще до нашего подхода городская решетка начала подниматься с лязгом цепей и скрипом механизмов. Поэтому когда мы подъехали – путь уже был свободен. Наше конное сопровождение сразу отвернуло в сторону, пока повозка ехала к своему гаражу. Рядом появилась пара стражников с алебардами. Они были без доспехов и шлемов, но некое подобие формы на них было – эдакие мундиры синего цвета.

– Приехали. Вылезай, – сказал мне тот самый рыцарь, который первым решился со мной заговорить. А может, это он меня пинал там на полянке?..

Я молча покинул повозку и поправил плащ, запахнул, так как вокруг ходили не только стражники, но и милые дамы с бледными лицами и пышными платьями. Дальше мы прошли два квартала в сторону замка, но, увы – до него не дошли. Свернув на узкой улочке, мы подошли к двери с табличкой, на которой жирными буквами было выведено «Шаман». Простота этого города меня удивляла. Вот вам обувщик, вот пекарь, вот шаман, вот покоритель драконов. На мою ухмылку отреагировали неадекватно – прихватили мои руки, дабы не рыпался. Рыцарь постучал в дверь.

– Кто там? – раздался голос из-за двери, которая тут же открылась. Какой тогда был смысл в вопросе? На пороге стоял человек в длинной мантии зеленого цвета. Лицо его было острым и хитрым. Украшала лицо шамана короткая подстриженная борода, что одним концом забиралась под нижнюю губу. На вид ему было около сорока лет.

– Ига, мы тут тебе беспамятного привели, он с меткой, – доложил рыцарь и поклонился. Не сильно, но заметно.

– Спасибо, Ричард, заводите его. – Но стражники даже шагу не сделали. Рыцарь почесал шею, что уже была знакома с ножом.

– Он опасен, – спокойно доложил рыцарь.

– Ну не для меня же. Заводите или отпустите его. И, Ричард, пошли кого-нибудь за цирюльником.

Меня отпустили и подтолкнули в сторону широкой двери. Я не стал теряться и прошел внутрь помещения. А тут неплохо. Каменная кладка стен была украшена пестрыми тканями, на окнах висели тонкие шторы. В центре комнаты стоял большой стол, крепкие и простые стулья с высокими спинками. Вдоль дальней стены, по бокам от противоположной двери было нечто вроде длинной полки со всякими бутылками, банками и пучками трав. О! На стене висел бубен

с колотушкой. Может, он и в правду шаман? Дверь за спиной прикрылась. Шаман подошел ко мне и встал рядом.

– Осматриваешься? – спросил шаман, не отрываясь от созерцания собственного дома, или лавки, или кабинета.

– Да. Интересно, что в тех бутылках. – Я посмотрел на шамана, он на меня.

– Голодный?

– Побитый. Это меня беспокоит немного сильнее, – сказал я и потер подбородок с длинной и неопрятной бородой.

– Проходи, садись за стол. Я тебе помогу, чем смогу. И... Это правда, что ты смог патрульному нож к горлу приставить? – Я сдержанно кивнул и прошелся до стула. Сел на плащ и вытянул ноги под стол.

– Смело, – проходя мимо меня, сказал шаман. Он взял с полки пару стаканов из стекла и тарелку. – Патрульные люди непростые, там трусов не жалуют. Значит, рефлекс у тебя нормально работают.

– Дико слышать слово «рефлекс» в такой обстановке, – сказал я и запустил руку в тарелку с нарезанным сыром.

– Когнитивный диссонанс? – сказал шаман, и я едва не подавился сыром. Шаман хохотнул и, подхватив еще бутылку с полки, сел напротив меня. – Если честно, то я сам не знаю, откуда все эти слова. Местные их не понимают и не используют. Но память штука такая. Вчера она меня оставила, а уже сегодня я шаман и работаю в одной из крупнейших столиц этого материка. Что мне толку от непонятных слов? – он посмотрел на меня и подмигнул.

– А что значит «он с меткой»?

– Пока не знаю. Есть на тебе метка Смерти, что черным пальцем помечает своих слуг или жертв. – Шаман закатал рукав своей мантии и показал правую руку. Вдоль предплечья были вытатуированы хищные глаза. – Как мне объяснил бывший шаман, это глаза духов. Что и определило мою будущую роль. Но если честно, то я в это особо не вникал. Дали работу, кров и пищу. Что мне тогда было надо?

– А что нужно сейчас? – я сам соскребал грязь со своей руки и искал метку.

– Все, что нужно, я получил. Время делает свое, я больше не разгадываю тайны, я живу в семье, несу службу и периодически напиваюсь в дрова. У меня всё есть. – Шаман помог мне с плечом и, потеряв кожу, посмотрел на мою правую лопатку. – Ага, точно метка. Крест.

– И что это значит? – я пытался заглянуть за свою руку и разглядеть спину.

– Так-с... Крест у тебя ровный, поэтому это классифицируется как... Хм... Погоди. – Шаман открыл внутреннюю дверь и прошел вглубь здания.

Когда дверь открылась вновь, на пороге стояла симпатичная девушка лет пятнадцати. Ее роскошные волосы струились по плечам и спускались почти до пояса, а черные глаза испуганно смотрели на меня. Девушка почти мгновенно покраснела. Громко «ойкнув», захлопнула дверь, и всё затихло. Минуту спустя вернулся шаман с тремя небольшими книжками. Кинув две на стол, он открыл третью и, полистав ее, ткнул пальцем в текст.

– Вот. Крест неверной формы означает клеймо Смерти, что не приняла душу праведника и постаралась повернуть его веру вспять. Крест на теле метка не проклятия, но метка отречения. Ни один из высших не примет меченого. Людей с меткой креста надлежит использовать в службе на должностях без веры или чести. Судить меченого могут епископы, шаманы и ведуны. Корона... Тра-та-та. Как видишь, память опять меня подвела.

– Если честно, то я ни черта не понял, – сказал я и указал взглядом на бутылку, что я постеснялся открывать самостоятельно. Шаман намек понял, взяв хитрый штопор, он вывернул пробку. По комнате разнесся приятный хвойный аромат. Шаман налил желтоватый напиток по стаканам и протянул один мне. Я почти залпом выпил этот нектар. Жар буквально

взорвался внутри моего тела, обжигая язык, горло, желудок. Я громко выдохнул и взял кусок сыра. – Там градусов восемьдесят... – прохрипел я.

– А то! Сам гоню, – ответил шаман и немного отпил из своего стакана. – Смысл этих слов должен касаться самых простых понятий – праведная душа, это раз. Использовать в службе, это два. Остальное вода.

– Все равно не понял. Ты мне с памятью помогать не будешь? Верно?

– Верно, – качнул головой шаман. – Меня, кстати, Ига зовут, – он протянул мне руку. Я ее пожал. – Ты себя не помнишь, но не переживай, имя дадут быстро. А память уже не вернется. Вся надежда на тело и способности к учению. Я вот шаманом стал.

– И мне нужно шаманом быть? – посмотрел я на собеседника.

– Это вряд ли. Я своего места не уступлю еще лет тридцать. Зарплата хорошая. Сам должен понимать.

– А где еще платят хорошо? В охране? На страже? – начал я прощупывать почву.

– Боюсь, выбор у тебя будет не очень велик. Ты отступник. В их бога не веруешь, обычаи не соблюдаешь, богатых родных у тебя нет. Тебе или в палачи идти, или в скоморохи.

– Действительно... Небогатый выбор.

– Тебе по времени не повезло. Появись ты тут год назад – у нас должность могильщика была свободна, – улыбнулся шаман. – Но, увы, занял ее приезжий. Теперь штат полон. А вот насчет палача рекомендую подумать, работка непыльная, знаковая и почти гарантированно пожизненная. – Шаман взял одну из книг, принесенных ранее, и протянул ее мне.

Я поднял худенькую методичку и посмотрел на каллиграфический почерк писца. «Палач» – одно слово на первой странице. Развернув это шикарное издание, я стал читать уставы, правила и права. Закинул ногу на ногу, стал рассматривать картинки с видами казней и их значение. Прикольное чтиво. Десять минут – и ты дипломированный палач. Я поднял глаза на Игу.

– И что? Палача у вас нет?

– Да типун тебе на язык. Есть и здравствует, но устал он. Мужуку под седьмой десяток лет. На пенсию пора, а он не может.

– А! Понял. Нужна замена. Пункт десятый устава о службе палача. – Шаман довольно кивнул.

– Понимаешь. Что еще понимаешь? – не удержался от подколки Ига.

Я не успел ответить. В дверь постучали, и Ига пошел встречать гостей. В комнату вошел аккуратно подстриженный и гладко выбритый мужчина лет пятидесяти. На его поясе висела целая россыпь металлических инструментов и кармашков. Цирюльник меня осмотрел и что-то сказал шаману, тот кивнул и пригласил гостя к столу.

– Пошли со мной, помоешься. Мастер у меня брезгливый, с грязью не работает.

Я спокойно проследовал во внутренние помещения. Два поворота по узким коридорам, стены которых были обиты деревом, и мы пришли к ванной комнате.

Мыться мне было в удовольствие. Грязь сваливалась сначала комьями, потом жидким потоком, а после обработкой мылом... В итоге я отмылся и чувствовал себя намного лучше. В ванной комнате было большое зеркало, в котором я опознал себя. Ну, в целом неплохо, хоть и не очень знакомо. Точнее, вообще не знакомый мне человек. Бородатая харя, темные волосы, рыжая борода и усы. Небольшая поросль на мускулистой груди. Повернувшись, я посмотрел на свою метку. Крест располагался на моей лопатке, от него тянулись тонкие линии, что словно исчезали в моем теле. Интересная картинка, если бы не черный цвет. Постучав в дверь, ко мне вошел Ига, он вручил мне штаны и подобие рубахи. Все было чистым и, похоже, глаженным.

– Оденься, а то мне кажется, женская половина моего дома чем-то возбуждена. – Я поднял непонимающий взгляд на шамана. – Шушукуются там дочери, обсуждают что-то бурно. Не бери в голову. Тут нравы такие. Оголение не приветствуется.

– Я понял, – ответил я и прекратил поток информативной речи.

Когда я справился с завязками на рубашке, то мы оба пошли обратно к цирюльнику. Нам навстречу, типа «случайно», шли две молодые девушки.

– Думают, что самые умные. Но им далеко как до меня, так и до тебя.

– Уверен? – спросил я и открыл дверь в первое помещение.

– Более чем. Они у меня читать стали не так давно, а этикет им прививать смерти подобно. А ведь им замуж пора. Такие вот дела...

Цирюльник вновь осмотрел меня и указал на стул. Я сел и откинул голову через спинку. Шаман сел напротив, цирюльник с ходу включился в работу – безжалостно отрезая мне волосы.

– А он чего молчит? Немой?

– Во-первых, он не немой. Во-вторых, он иностранец и отличный мастер. В-третьих, он видит твою метку, а так как он из религиозной семьи, то ему даже касаться тебя нельзя. Он делает тебе милость – помогая.

– Спасибо мастеру. – Шаман кивнул и перевел мои слова.

Стрижка и бритье закончились довольно быстро. Теперь у меня была нормальная, бритая физиономия и аккуратные короткие волосы, что топорщились ежиком. Мастер взял оплату с шамана и вышел. Я успел заметить, как цирюльник вышел и буквально отпрыгнул от двери. И сразу в помещение зашел крупный седой человек. Мускулы гиганта канатами окружали его руки и грудь, только небольшой живот скрывал его пресс. За спиной человека был такой шикарный меч, что загляденье – резная ручка с черепом на эфесе торчала из-за его плеча, а лезвие спускалось практически до колен. На гиганте была кожаная жилетка, что одновременно работала ножнами для клинка с фигурным лезвием. У мужчины была черная лента на голове и очень усталый взгляд.

– Чего тебе не отдыхается, шаман? – пробасил вошедший.

– Нил, я тут вспомнил, что я обещал сделать тебе в будущем самый лучший подарок на день твоего рождения. Вот решил наконец выполнить обещание, – сказал шаман и пригласил гостя за стол.

– Он у меня был полгода назад, – сказал мужчина и вынул свой меч, чтобы сесть спокойно.

– Ну, я же тогда ничего и не дарил. Вот смотри... – Ига положил на мои плечи свои руки. – Мой тебе подарок. Смена будущая.

На бородатого детину было жалко смотреть. Он чуть не заплакал, как ребенок, и, приложив руку к хлипкому столу, поднялся и обнял шамана, мне тоже досталась доля его любви, от которой затрещали суставы. Оторвавшись от нас, он пожал руку шаману и мне.

– Это правда? Или шуткой меня в могилу загнать хотите? – не стерпел здоровяк.

Шаман посмотрел мне в глаза.

– Ты же выбрал свою роль? Я не ошибся? – Я задумался. Судя по моим движениям в том лесу, клинок держать и пускать его в ход мне не страшно, а здесь я еще ничего не знаю. На первое время пойдет.

– Да. Ты прав. Я могу быть палачом.

Старый палач вскинул руки к небу и решил обнимать нас до самой смерти. Однако шаман остановил его:

– Нил, он тут меньше дня, его практически никто не видел. Приведи сюда писаря и королевского посыльного. Если есть желание, можешь и монаха позвать. Пусть оформят запрос. Может быть, тебе уже сегодня повезет.

Палач выскочил из дома, даже не прихватив свой меч. Шаман поднял оружие и взвесил его в руках. Покачав головой, он подкинул меч так, чтобы он полетел ко мне. Я поймал его за ручку и слегка присел. Вес у меча был неслабый, но терпимый для одной руки. Покрутив его

и осмотрев, я провернул его вокруг руки и случайно рассек висевшую штору. А ведь острый клинок, как бритва. Шаман только головой покачал и осмотрел штору.

– Может, поедим? – спросил я у шамана.

В комнату вошла молодая женщина с подносом, на котором стояли несколько тарелок с салатиками и печеным мясом. Она не очень добро посмотрела на меня, но все же улыбнулась и сказала: «Приятного аппетита». «Премного благодарен», – не остался я в долгу. Затем на столе появился кувшин с домашним вином и пара кубков. Трапеза проходила в молчании, каждый думал о своем. Я по крайней мере думал. Память молчала, рядом сидел человек с багажом знаний и тайн. Я собирался на работу к самому королю, который не вызывал у меня никаких эмоций. Еще не давало покоя частое упоминание некой религии, которое сквозило со всех щелей. Но спрашивать об этом, наверно, надо не шамана. Или шамана, но аккуратно.

Закончив с едой, мы остались ждать посланцев с двумя кубками вина.

– Это твоя жена? – указал я головой на дверь.

– Да. Женился через пять лет, как сюда попал.

– Она не религиозна? Или ты у нас змей-обольститель? – Шаман хмыкнул и одними губами повторил мое выражение.

– Религиозна, но она не местная. А я смог ее убедить, что я лучший для нее вариант. Здесь нравы простые – или ты, или тебя. Но я думаю, так везде. Свободные девушки ищут лучший материальный или духовный вариант. Рабыни ищут ласки от своих хозяев, дабы родить ребенка и приподняться из своего сословия. Богатые дамы ищут больше чести или славы, там важно сословие. Понятие любовь редко, но есть исключения, что не может не радовать.

– Ясно, я думал – ты меченый, значит, отлучен от всей знати.

– Нет. Нисколько. Вера пронизывает все государство. Веровать должны все граждане и рабы. Но если ты не веруешь, то для тебя закроются многие двери, вот и все. Так как я шаман, то мне и не положено верить в бога, я верю в духов. Работа такая. Если же ты богат и предприимчив – можешь не верить в бога, но монахи это бич населения. Смотрят косо, говорят гадости, отваживают покупателей. Тебе, кстати, тоже стоит оборачиваться иногда. Они не любят палачей, конкуренция и все такое.

– Переживу, – спокойно ответил я и пригубил вино.

– Согласен, проблем тебе и так будет до самой задницы. О! Идут наши гости. – Я прислушался, но даже близко ничего не услышал, а без окон со стороны улицы это вообще понять невозможно. – Я же шаман. Духов слушаю, они многое говорят, – снисходительно сказал Ига.

Дверь открылась, явив нашему взору великолепную четверку. Старый палач шел последним, перед ним был лысый монах с хомячьими щечками в коричневой рясе и мужчина в красном камзоле и черными волосами, заплетенными в косу. Первой же в комнату заскочила юная девушка в штанах, высоких сапогах и дорого расшитой кофточке, через ее плечо висела сумка. Все вошли, но было заметно, что девушка сторонится палача и меня, остальные делали покер-фейс и не заморачивались. Коротко поздоровавшись, гости сели за стол.

– Значит, в нашем городе новый меченый, – продекламировал монах слегка писклявым голосом, будто евнух.

– И давайте не будем об этом много говорить, – сказал шаман Ига. – Мы собрались по очень хорошему поводу. Наш достопочтимый Нил идет на пенсию. Это отличный повод собраться и делать дела. – Все вяло кивнули и посмотрели на Нила, который был самый довольный среди нас.

– Значит, вы... – сделав паузу, посмотрел на меня мужчина с косичкой.

– Без памяти, понимать вроде должны, – сказал я.

– Ой, простите. Вы такое редкое явление, что можно и забыть, – махнул совсем уж поженски этот мужчина. – Но без имени мы все равно прощение дать не можем. Может, вам взять имя старого палача?

– Нельзя другому брать имя старого палача. Иначе пойдут слухи про омоложение за счет темных сил, – возмутился монах.

– Брат Рон, мы знаем вашу позицию, она не меняется десятилетиями. Пусть же сей муж сам скажет нам свое имя, не давите на него. – Вновь взгляды вернулись ко мне.

– Пусть зовется Хелом, – вставил монах. – А что? Имя как имя, или я чего не понимаю?

– Носить иносказательное название Косы Смерти? – поднял брови шаман. – Вы не перегибаете?

– А что вы все на меня смотрите? Я сам пришел, никто меня не гнал. Пусть выбирает. Но Нил – нельзя, – насупился толстячок.

– Пусть будет «Хел», – качнул я плечами. Мне как бы пофиг.

Монах сразу заулыбался.

– Здравая мысль, молодой палач. Пусть верующие сразу знают, с кем можно общаться, а с кем нет.

– Брат Рон, успокойтесь, еще одно слово – и церковь не будет расписываться в документе, – возмутился шаман.

– Все вы, темные силы, заодно... Всё, всё. Молчу, – примирительно поднял обе ладони вверх монах.

– На том и решим. – Мужчина достал чистый, слегка желтоватый лист и перо с баночкой чернил. Макнул перо в черную жижу и начал писать.

– А с какого дня мне выходить на работу? – спросил я и поймал на себе взгляды всех одновременно. Монах заржал сразу, девушка вздернула носик и демонстративно отвернулась, Шаман покачал головой. – Чего? Нормальный вопрос.

– Ненормальная работа, – тихо сказал Нил. – Я никогда не называю свою службу работой. Ты инструмент, а не работник. Работает Смерть...

– Закончили поминать нечистую силу! – вскрикнул монах и осенил себя знамением. – Развелось на нашу голову больных да темных. Прости, Боже, за богохульство и нетерпение раба своего.

– Так, позвольте я зачитаю написанное, – поднялся со стула мужчина с косичкой. – Сием прощением палач Нил и преемник, выбравший имя Хел, просят его величество принять их незамедлительно и решить вопрос традиционного преемствования права на службу королевскую. Прощение засвидетельствовано монахом святого Тира, Роном-младшим, писцом его величества Пталом Раминским, шаманом его величества Игом Духовным. Прощение изъявлено палачом Нилом Пельским и преемником Хелом Меченым. И как вам?

– Мне фамилия моя не нравится, – сказал я и испил из чаши. Монах снова захохотал. Шаман приложил пальцы к переносице. – Если я выбрал имя клинка, то можно я выберу и фамилию, связанную с темной стороной?

– Пусть будет Ивайном, – продолжил ржать монах. При этих словах у девушки-посыльной покраснели даже уши.

– Ивановым тогда уже. – Монах окончательно опрокинул стул вместе с собой и продолжил ржать уже оттуда.

– С иностранного Ивано – член. Так что подумай еще раз, – вкрадчиво донес до меня шаман.

– Да идите вы в жопу. В чем проблема выбора фамилии, зачем все переводить на другие языки. Пишите Хел Хельский и закончим!

– Брат Рон, хватит пугать людей. Так и помереть не долго. Для вас вариант не самый плохой, но все же... Я сейчас перепишу прошение... – сказал Птал и начал мараить второй лист. Шаман показал мне большой палец. Ну, спасибо.

Текст был переписан и подписан сторонами. Монах уже успокоился и, опрокинув в себя полбутылки принесенного вина, ушел первым. Девушка посыльная приняла письмо и умчалась за ним. Птал распрощался с нами и позвал всех на ежегодный прием Светского собрания, где будет бал и маскарад. Причем позвал всех. Палач сказал, что будет собирать вещи, и оставил меня с шаманом наедине.

– Вот так цирк, – сказал я, глядя на открытую дверь.

– Не все так плохо. Монаху ты, видимо, очень понравился, а это дорогого стоит. Тебе с ним еще... кхм... работать.

– Хорошо, что я Пталу не понравился, – сказал я, и мы засмеялись.

Спустя два часа неторопливой беседы к нам прибежала посыльная и вручила мне приглашение в замок. Встреча с самим королем, а я не трезвый. Однако захмелевший шаман уверил, что королю это все до одного места – формальности. Так или иначе, я пошел за девушкой до самого замка. Девушка стремилась от меня постоянно держаться подальше, но у нее это выходило плохо. Через любую толпу людей мы пробирались быстро и без заминок. Преддверье замка представляло собой огромные ворота, ничем не хуже внешней решетки. Там мы показали бумаги, девушка сразу умчалась, а меня уже проводил местный дворецкий.

Тронный зал. Лично меня он не поразил. Каменные стены, гобелены, столы и кресла, ковры и свечи, свечи, свечи... На небольшом возвышении стояли три кресла, впрочем, занято было только центральное. Седой полноватый король со скучающим видом и покосившейся на голове короной ожидал меня. Палач Нил был уже здесь. Король посмотрел на наши помятые лица, махнул рукой и стартанул свою речь.

– Согласны ли вы, Хел... – король аж икнул, когда прочел мое имя, – ...принять на себя бремя службы королевству и самой Короне. Выполнять свой долг. Жить только в городских пределах. Служить законом нашего королевства и судом мира человеческого и загробного?

– Согласен, – спокойно ответил я.

– Да быть посему. Нил, ты долгие годы служил Короне. Ты никогда не будешь примером для всех, но ты станешь примером для своего преемника. Передай же ему свой клинок и право служить. С завтрашнего дня – ты свободный человек без веры, но и без порока. Ты волен покинуть городскую черту и поселиться в любом месте, где пожелает твоя душа. Отныне и до следующего палача, Хел... Хельский? – король поднял бровь и оторвался от листка, посмотрел на меня. Кашлянул для вида и продолжил: – ...Хельский будет назначен на должность королевского палача.

Наступила недолгая пауза. Нил вынул свой клинок. Медленно, чтобы не спровоцировать стражу на активные действия. А затем передал его мне, из рук в руки. Он хотел отдать еще и жилетку, но местный монах призвал нас к порядку и избавить высшее общество от обнажений. Мы тихо покинули дворец.

Нил всю дорогу шел и подпрыгивал от счастья. Он был свободен. А я вот чувствовал, что влез на кучу дерьма и теперь могу провалиться в нее в любой момент. Однако я недооценивал объемы кучи. Понял я это, когда мы пришли к дому палача. Большой двухэтажный каменный особняк. Все красиво, но два соседних дома были пусты – никто не желал жить рядом с палачом. Мы вошли внутрь. Если бы здесь сделать уборку и сдать пустые бутылки, то будет даже уютно. Нил уже собрал два тюка вещей, которые лежали у двери. Почти сразу он скинул жилетку с ножнами на спине и протянул ее мне. Ну нет, постираю как минимум. Мы прошлись по всем пяти комнатам и вернулись в первую. Видимо, это традиция такая. Нил сел напротив меня и поставил на стол очень грязную бутылку.

– Выпьем. Я сегодня последний день палач. Уже завтра с рассветом я уеду из города и мы больше никогда не встретимся, – разливая по кружкам напиток, говорил Нил.

И мы выпили, мы поговорили. Узнать мне предстояло многое.

– Никогда не бери деньги у людей, – говорил мне Нил. – Никогда не милуй мерзавцев. Всегда чти законы церкви и не ссорься с монахами...

Правила сыпались на меня как из рога изобилия, но я честно пытался запоминать их. Даже самые дурацкие суеверия. Вот когда пошла лекция про казни, я собрался. Казней, оказывается, было не три и даже не четыре. Любая казнь могла быть выполнена несколькими орудиями, и каждое из них накладывало свой отпечаток как на душу казненного, так и на его родственников в городе. Помимо моего четырёхкратного помилования, была еще одна лазейка, но ее никто никогда не использовал – брак. Если на эшафоте жертву захотят взять в жены или выйти за него замуж – казнь откладывалась до развода или до нового преступления. Это было интересно.

Но самое интересное началось, когда палач налился, как свинья. Он заговорщицки придвинул мою голову к себе, посмотрел по сторонам, отыскивая чужие уши.

– После одной из смертей от твоей руки к тебе придет сама Смерть. Она не заберет тебя, а только окрестит своим слугой. Ты получишь дар от нее, но от него не будет счастья. Ты всегда будешь чувствовать ее за своей спиной, – выдал на одном дыхании палач. – Тебя в городе будут бояться, но это в самом лучшем случае. Больше тебя будут ненавидеть. Любой будет считать честью пожелать тебе смерти, но не тебе ее бояться. Смертники будут молить тебя и заклинать, проклинать и плевать в лицо. Но ты лицо короля...

– Понял. Учту, – ответил я.

Нил покачал головой и прикрыл веки. Спустя секунду он храпел, как старый локомотив.

Я тоже решил вздремнуть. Поднялся в свою новую спальню, увидел кровать что была сделана отцом мальчика, которого казнил Нил, лег на прекрасные простыни, что сшила швея, помилованная Нилом, и посмотрел в темный зев окна, за которым виднелись холодные звезды...

Первая моя ночь прошла беспокойно. Мне снились люди, много людей. Они танцевали в большом темном зале, где была громкая музыка и периодические вспышки света разного оттенка. Я помню их лица, и молодых, и старых. Лица в крови. Я проходил мимо этих людей и стискивал свой меч палача. Они меня не боялись, глаза у всех были прикрыты, они просто меня не замечали. Я проснулся уже в положении сидя. За окном только-только начинался рассвет, но сна не было ни в одном глазу. Вдали кричали свои песни петухи. С меня стекали капли пота. Я встал с кровати и тряхнул головой. Кошмары это вроде как нормально, но до чего четкий сон...

Спустившись на первый этаж, я зашел в ванную комнату, набрал в ладони затхлую и теплую воду – плеснул себе в лицо. Слегка полегчало. Выйдя в первую комнату, я обнаружил полный комплект одежды палача, его меч и две стопки золотых монет, по десять штук в каждой. Нила уже не было, и скорее всего уже никогда не будет.

До самого утра я занимался уборкой. Мусора в доме было немногим больше, чем пыли и грязи, но я герой или как? Я справился. Когда город немного ожил, ко мне в двери постучались. Я отпер дверь и увидел девочку-толстушку лет десяти с корзинкой, накрытой тканью. Заметив меня в одних только штанах, она моментально покраснела и отвернулась.

– Простите меня, господин, я пришла к Нилу, он берет у нас хлеб каждое утро, – запрочитала девочка.

– Нила больше нет, – сказал я и накинул на себя рубашку шамана. Девочка повернулась ко мне, все еще красная.

– Как жаль. А вам хлеб не нужен? Мама сама его печет. – Господи, да ей лет десять, а уже пашет на родню.

– Почему бы и нет. Сколько стоит ваш хлеб? – спросил я и запустил руку в карман штанов.

– Три медные монеты. За булку.

Я протянул ей золотой.

– Тогда носи мне хлеб сюда же каждый день, покуда хватит этой монетки.

Девочка взяла золотой трясущимися руками и, на мое удивление, прикусила ее зубками.

– Хорошо. Спасибо вам, господин. Вот... – она отвернула часть ткани и показала мне свежие, все еще горячие и румяные булки. Запах просто валил меня с ног. Я взял две штуки и кивнул.

– Спасибо. Жду тебя завтра.

– Я приду! – уже убегая, крикнула мне девочка.

Я сразу откусил от одной булки немалый кусок и начал вытаскивать мусор в сторону соседнего дома. Как тут с ним быть, я, право, не знал. Когда уборка была условно закончена, а булочки съелись, я решился прогуляться по городу. Город был большим и красивым, наличие стражи меня успокаивало, раз много стражи, значит, мало преступников. Палач спит – служба идет. Мне вот после сегодняшнего сна никак не хотелось приступать к работе немедленно. А вот по городу я прогулялся неплохо. Для начала я нашел швею и заказал у нее нормальной одежды для себя, потом был сапожник, мясник, у которого я купил копченого мяса вместе с корзинкой. Нашел лавку со сладостями, купил халвы и леденцовых конфет. Один раз ко мне все же подошли стражники и, поздоровавшись, спросили, кто я есть. Мол, они в этом районе меня ранее не видели. Я представился по форме. Получил совет не расставаться со своим мечом, а то всякое в городе бывает. А палача должны знать все. Вернувшись к своему дому, для приличия заблудившись на полчаса, я с удовольствием разложил свои покупки и поел, как хотелось мне, а не так как накрывали. В обед пришлось идти к колодцу за водой, так как моя закончилась еще утром.

У небольшого каменного колодца были только девушки. Некоторые в платках на плечах, другие с платками на голове. Меня оценили еще на подходе, и женское царство расступилось, открывая мне доступ к колодцу. Я набрал воды в свое ведро, потом помог девушкам в этом нелегком труде. Дамы перешёптывались, но со мной говорить не торопились. Я же улыбнулся на прощание и пошел к себе. Около дома крутился странный человек в длинном черном камзоле. Я подошел к нему.

– Кого-то ищете?

Человек повернулся ко мне.

– Хел?

– К вашим услугам, – качнул я головой.

– Бернард Диконс. Казначей короля. Я к вам для заполнения статей расходов.

– Тогда проходите, дом не заперт, – я показал рукой на дверь.

– В дом к палачу? Без разрешения? Да вы рехнулись. Но спасибо, зайду. – Мы вошли в темную комнату. Бернард осмотрелся. – А тут, оказывается, очень неплохо, если прибраться.

– Согласен. Поэтому и прибрался. Куда, кстати, мусор волочь? Я его около дома бросил.

– Я пришлю вам мусорщиков, они уберут. Так, давайте к делу. – Человек вынул из наплечной сумки несколько сложенных вчетверо листов и развернул их. – Прошу подписать приказ короля о вашей денежной компенсации за службу. На текущий год это двадцать четыре золотые монеты. Так, теперь по расходам городского обслуживания, – он ткнул во второй документ. – Корона оплачивает ваши расходы на пять золотых в месяц.

– А зачем мне деньги, если Корона платит? – поднял я глаза на казначея и капнул чернилами на листок.

– Если у вас граждане будут брать деньги, то можете получать их на руки. Но кто возьмет деньги палача? Вы пока не известны, так что тратьте, что есть. Но с первой казнью о вас заговорят по-другому. Это нормально. Подпишите здесь. ...Ага. Теперь приказ на ваш дом...

...Угу. И регистрационный бланк. Всё! Спасибо. Я зайду через тридцать дней вновь,ведем смету. – Человек поклонился и собрался уходить.

– Все так быстро? Вы меня побаиваетесь? – я улыбнулся.

– Не то чтобы побаиваюсь... Я больше монахов побаиваюсь. Они-то могут и кишки на шею намотать, а вы только голову срубить. Удачи в службе.

– Счастливо, – помахал я рукой уходящему казначею.

Все это складывалось в некую картину мира, но все в целом было неправильным. Я не понимал, что, но все было неправильным. Закончив мучить свою голову, я немного подвигал мебель. Выдвинул в первую комнату точильный станок. Принес со двора дрова для камина и печи, зачем они тут оба? Затем налил воду в бочку и большую кастрюлю. Надо найти чай. За сегодняшний день я потратил две золотые монеты, при том, что одну я отдал булочнику. Неплохая зарплата, если посмотреть со стороны.

Уже в обед, когда от безделья стала протекать «крыша», я решил вновь сходить в город и найти основные места обитания. Нашел без проблем – таверна «Эль» была рада новому гостю. Все постояльцы, забулдыги и алкоголики, проводили меня взглядом и вернулись к своим нехитрым делам. Хозяин таверны, он же бармен, он же трактирщик, был немного более приветлив. Предложил пива за пять медяков, я попробовал, вернул, взял другого, вернул – и по кругу. Наконец я остановился на весьма неплохом пиве за двадцать медяков. Трактирщик похвалил мой вкус и платежеспособность и сразу полез в душу. Я не разделял его стремления и расспрашивал его сам. Узнал, где местные мастера обитают, кто берет дорого, кто делает хорошо и все в том же духе. Напиваться в обед я не планировал, так что сразу пошел искать кузнеца. Ну не было у меня чайника, а в кастрюле воду греть неудобно. Кузнец нашелся достаточно просто – по повторяющемуся звуку молота.

– И чего угодно достопочтимому господину? – обратился ко мне мускулистый молодой мужчина.

– Кузнеца мне надо, талантливого и с золотыми руками, – сказал я и пожал руку кузнецу.

– Никифор меня зовут. Руки хоть и не желтые, но умелые. Вам оружие или утварь какую?

– Утварь. Чайник мне нужен, для чая. – Я надеялся, что это тут есть.

– Для чая посуда продается у торговца чая, в восточной части города. Я с глиной не работаю. Моя работа в металле и железе.

– Да ты меня не понял... Пошли, объясню...

Беседа с кузнецом открыла мне немного занавес этой реальности. Чайников тут не было, впрочем, как и железных кружек. Однако иностранный кузнец, что работает в этом городе уже пять лет, идею понял и даже взялся ее реализовывать. Носик в кастрюле сделать было трудно, но вот острый кончик да ручку с крышкой это можно. Купив у кузнеца нормальную сковороду и пару кухонных ножей, я обещал зайти вечером.

– Токма не забудь зайти, хочу с тобой проверить замысел, все ли так, как ты говоришь...

– Зайду, не переживай.

Мастера по дереву я удивить ничем не смог, купил все необходимое для кухни и жизни, вплоть до щетки для спины на длинной ручке. Мастерница-швея встретила меня на улице и пригласила на примерку моего кафтана и штанов. Все было уже готово и все было по размеру. Рассчитавшись с приятной женщиной, я пошел к обувщику и наконец смог обуться, а то как плебей босиком ходил. Вот и сформировался мой образ. Высокий сильный мужчина в белой рубашке на пуговицах с высоким воротником, в прекрасных тканых штанах черного цвета и кафтане с голубым отливом. Еще шляпу и можно в высшее общество. Хотя мы-то знаем, что фасон это еще не всё. Нужен почерк заслуженного и очень дорогого мастера.

В овощной лавке я встретил приятную девушку Сандру, которая не только привозила самые лучшие овощи из деревни, но еще и чесала языком, как профессиональный игрок в кости. Она рассказала мне о том, что наш городской палач нашел себе замену. Успела посо-

чувствовать новой потерянной душе и пригласила меня на вечернюю мессу в храме, что за три квартала от нее. Я отказался, но купил ее овощи. Теперь, нагруженный, как ослик, я шел обратно. Думал еще заглянуть к шаману, других знакомых пока нет. Когда я все принес в дом и разложил по полкам, пришло время проверить кузнеца. Никифор меня не дождался. Держал новый модернизированный котелок над огнем и смотрел, как из носика стремится пар.

– А вот и первый покупатель, – расплылся в улыбке Никифор. – Я вот жду, пока ты зайдешь. Смотри, как оно получилось. – Он снял за ручку свой новый товар и налил в кружку кипятка. – Во как. Технология.

– Да ты действительно мастер. Так быстро исполнил мой заказ, – похвалил я кузнеца. По-моему, он немного недалекий.

– И не только воплотил, но и приумножил. Вот. – Он достал из-под лавки еще два таких же чайника. – Можешь выбрать любой. Тебе скидка за идею. Пятьдесят медяков.

– Да ты сдурел, – восхитился я наглости кузнеца. – Такая кастрюля стоит тридцать. Больше сорока не дам.

– А давай сорок, – спокойно согласился кузнец. – Будет что жене моей показать, да детям науку дать.

Я не стал задерживаться у молодого кузнеца, прошелся по улицам еще немного, посмотрел на население и домой. Я еще салат хотел приготовить и... Блин, забыл купить соль...

Глава 2. Пятый день

Жизнь, каким бы дерьмом она ни казалась – штука хорошая. Пока ты жив, ты можешь отдыхать, развлекаться и получать иные радости жизни. За неполную неделю я обзавелся неплохими знакомыми, некоторыми связями и отношениями с местными сплетницами у колодца. Однако труба зовет. Утром, пока я воевал с новым чаем, купленным за немалые деньги, ко мне постучали. Бросив поиск идеальных пропорций напитка, я прошел к двери и открыл ее. На пороге стоял брат Рон.

– Доброго дня тебе, исчадие ада, – поклонившись, поприветствовал меня монах.

– И тебе добрый день, подстилка света, – не удержался я, монах улыбнулся и вошел в дом. – Да, конечно, проходите, располагайтесь... – говорил я, закрывая дверь.

– А тут неплохо...

– ...если прибраться? – угадал я окончание фразы.

– Нет, если вонь выветрить. Что делаешь? Смертное зелье варишь? – монах разве что не нырнул в чайник.

– Конечно. Будете? – я подошел и наполнил две кружки чаем. Судя по запаху, опять крепкий получился. Разбавил водой.

– Наливай, исчадие ада, меня твои силы все равно не возьмут. – Мы сели за стол, монах распробовал чай и запустил руку в тарелку с конфетами. – Я к тебе по делу, Хел. Пора выходить на службу.

– Довольно скоро, – кивнул я.

– Не слишком, бывают разные дни. – Монах вынул лист бумаги из складок своей рясы и развернул перед собой. – Вот. Генри Велиск, замучил жену свою умницу да задушил ее веревкой. Сейчас раскаивается и просит пощады. Но церковь помнит его клятву и не простит. Никогда. Вечером его надлежит казнить при помощи виселицы.

– А вы уже с ним пообщались?

– Конечно, дела церковные.

– Пытали?

– Упаси великий Тир, нет, просто поговорили. Пытки у нас для сил тьмы. Таких, как ты, или хуже тебя.

– Приятно слышать, что есть хуже, – хмыкнул я.

– Это жест приличия, у тьмы нет оттенков. А конфеты ты где покупаешь? – монах снова зачерпнул леденцы из тарелки.

– В лавке Мартина. Тебе, может, поесть предложить? Я как раз готовить собирался.

Монах махнул рукой.

– Нет, жареных младенцев я по пятым дням не ем. Я пойду, а ты твои свои черные дела делай.

– Счастливо, Рон, до свидания, – кивнул я служителю Тира.

– До вечера, – улыбнулся монах и вышел, прикрыв за собой дверь.

Я посмотрел на оставленный лист на столе. Моя первая жертва. Надо оно мне или нет? Может, они ошиблись? Может, он невиновен? Надо сходить в темницу и расспросить смертника. Как знать, может, что узнаю...

В замковых воротах меня остановили только на пару минут, пока не убедились в моих намерениях. Дальше мне был выделен хмурый дядька, который привел меня в темницу. Темница была как темница. Подвал, сырость, стоны заключенных и писк крыс. В общем, не впечатлило. Меня подвели к небольшой камере с решётками и оставили с заключенным. По обратную сторону решетки сидел обычный мужчина, который выглядел как угодно, но только не

как смертник. Он сидел спокойно на тюремной скамье, которую протирали сотни или тысячи смертников, и спокойно смотрел на меня.

– Значит, вот он каков, новый палач, – тихо произнес Генри.

– Какой есть, тебе не выбирать. За что ты так жену свою? Монахи в ужасе.

– Стервой она была. Ты бы знал, как сложно было с ней жить. Сейчас в темнице мне намного легче. Вечером ты меня осудишь и исполнишь свой долг.

– Не указывай, я могу и помиловать тебя, но толпа не позволит тебе уйти – разорвут, – покачал я головой, все еще не понимая, чего он такой спокойный.

– Не думай об этом. Ты, наверно, впервые будешь исполнять долг палача. Не переживай за меня и мою душу. Бог со мной, а не с тобой. А теперь уходи, да слова поучи, чтобы не опозориться.

Я ушел, но не потому, что он меня обидел или расстроил – нет, он меня разозлил. Вешать так вешать. Зачем он говорил про слова? И почему сказал «долг», а не «казнь»? Надо решить и действительно не позориться. Благо сплетницы от колодца никуда не делись и, вытаращив глаза, сыпали мне все нужные сведения. Генри был не только убийцей жен, он еще и изменником был.

– С дочкой пастуха он больше года любовь водил, да вот женат и не может он с ней жить, а раз она свободна, то и в рабство ее не взять, – вещала мне загорелая Нимма у колодца. Другие девушки поддакивали или вплетали подробности. – Для пастушки он-то знатный жених, деньги есть и положение. Да вот кто же знал, что он такое чудовище. Ой, батюшки, как страшно жить...

Девушки мне действительно помогли. Пришлось идти в церковь. По дороге я встретил шамана, который поздравил меня с выходом на службу и обещал зайти вечером. Дальше хуже, церковь я нашел, не зря меня звали на мессу и сто раз рассказывали, как ее найти. Вот заходил я в церковь зря.

До сих пор не могу понять, что там произошло, но едва я перешагнул порог храма, как на меня навалились тяжесть и дурнота. Люди вокруг смотрели на меня и звали внутрь, обещая избавление. Но вот когда на меня кинулись три пучка света – я дал деру. Сейчас, окуная голову в бочку с водой, я приводил мысли в порядок. Что тут вокруг происходит? Это нереально!

– Что? Плохо тебе, исчадие ада? – раздался голос Рона сбоку.

– Да просто кошмар, Рон. Ты поглумиться пришел?

– Да вообще-то удивляюсь, что свет тебя выпустил. Быстрый ты сильно. Зачем сунулся в храм Тира? Гнева бога никогда не испытывал? – посочувствовал мне монах.

– Тебя искал. Я знаю, что задумал Генри.

– Все мы это знаем, потому и вешаем мерзавца. Ой. Прости, святой Тир, голову мою грешную, – осенил себя знамением Тира монах.

– Он будет спасен, если ты мне не поможешь.

У Рона глаз начал дергаться.

– Ты не посмеешь помиловать его.

– Я и не собирался. Помилование ради святого дела никто не отменял. Его придет спасать его любовница.

Монах замахал руками.

– Фу! Брось грязными словами при благочестивом человеке выражаться. Но он... Вот наглец. Какая же помощь нужна тебе от святого ордена?

– Все просто. Его лю... Возлюбленная. – Монах кивнул, одобряя. – Это дочь пастуха, Леана Пастога. Вечером она должна пойти на площадь, чтобы выбрать его в свои мужья. Но вы, как наставник всех заблудших душ, или ваши братья должны не допустить ее к площади.

– Как же я могу отказать в зрелище казни смертника, что предал жену и бога? – усомнился монах, но подбородок зачесал в раздумье.

– Попросите послужить церкви, пусть полы помоем, цветы польет, свечку над монахом подержит. Почему ты это у меня спрашиваешь? Исчадие света.

Монах улыбнулся.

– Я, кажется, знаю, как ее задержать. А ты, палач, непростой. Мы тебя можем звать на допросы. Может, еще кого сможешь уличить во зле великом.

– Не, не со мной. Да и Генри меня очень разочаровал при нашей встрече. Так что никто ничего никому не должен.

Мы распрощались как коллеги и разошлись кто куда. К своему первому выходу я готовился основательно. Надел на себя форму палача, затянул все ремни и поправил завязки на перчатках. Подтянул под размер ножны и пристроил в них свой меч. А затем надел нововведение – колпак, скрывающий большую часть моего лица. Среди запретов этого не было, а мне жить спокойнее будет. Вышел из дома и, избрав более долгую дорогу, пошел в сторону замковой стены, где был мой офис – эшафот. Там все было готово. Виселица установлена, охрана стоит, толпа присутствует, монахи молятся. Все нормально. Поправив свой меч, я вышел из переулка. Меня заметили мгновенно, толпа расходилась от меня с небывалым запасом в пару шагов. Я решил поприкалываться и пошел немного зигзагом. Люди вокруг стали визжать и толкаться. Стража неодобрительно на меня посмотрела, а вот монахи закивали с улыбками. Подошел монах Рон.

– Занятная шапка. Я давно говорил, что негоже всем видеть лицо инструмента Смерти.

– Мудрый ты дядька. Как ты вообще в монахи попал?

– На все воля Божья, – развел руками монах. – Иди на помост, люди уже обсуждают тебя, зрелище – нечастое развлечение для толпы.

Я поднялся на эшафот. Высокий, хороший, чистый, на вид крепкий. Один конец эшафота переходил в ступени, которые спускались к замковой стене. В ней открылась дверь, и два стражника вывели смертника. Тот шел с высоко поднятой головой. Ну, это ненадолго. Его подвели ко мне и передали цепь, что была обернута вокруг его шеи. Руки заключенного были связаны за спиной. Я подтянул его к себе и подвел к петле. Руки стали немного дрожать. Что я делаю? Накинув петлю на шею убийцы, я затянул узел и отошел к рычагу. Глаза заключенного лениво ползали по толпе. Я же развернул переданный мне пергамент и вчитался в него.

– Жители города! – громко и слегка искажая свой голос, произнес я. Толпа немного притихла. – Перед вами стоит убийца, предатель клятв и своего бога. Вы знали его как Генри Велиска... – начал я чтение. – Он признал свою вину, он обвинен королевством, он обвинен Смертью. Приговор – смерть через повешенье. Есть ли среди вас те, кто желает оспорить решение божественного суда и суда человеческого? Есть ли среди вас те, кто хочет связать свою жизнь с этим убийцей и продлить его участь?

Толпа затихла, а вот Генри заметно занервничал, начал активно крутить головой и перетapтываться. Я подошел ближе.

– Твоя любимая пастушка сейчас находится у монахов. Так что я выполню свой долг, не опозорившись.

– Леана!!! – закричал заключенный, и тут же получил от меня удар под ребра.

– Смерть готова принять его! Виновен!!! Приговор приводится в исполнение! – закричал я и опустил рычаг...

Стук в дверь отвлек меня от моего занятия. Я отпер дверь и посмотрел на шамана. Отшагнув назад, я пропустил гостя в дом.

– Как себя чувствуешь? Не тошнит?

Я пожал плечами.

– С чего бы?

– Разная реакция бывает. Оу, у тебя чудесно пахнет. Что готовишь? – шаман подошел к моему камину и заглянул внутрь. – Мясо на палочках? Ты был охотником?

– Скорее всего, нет. Просто готовить люблю, а подвал у меня не очень холодный, вот и трачу запасы, пока не пропали. Будешь ужинать?

– Как тебе удастся оставаться спокойным? Дух этого смертника донимал меня часа три. Просил убить тебя или твою семью.

– А ты реально с духами общаешься? – спросил я как бы между прочим.

– Я же шаман. К тебе позже зайдет сама Смерть, и ты будешь видеть ее. Всем свое. Метки просто так не ставятся.

– Я думал, это татуировка, если честно, – сказал я, снимая первые две шпажки.

– Я тоже так думал, но если снять с тебя кожу, то метка появится в другом месте, поверь, инквизиторы проверяли. Непростое это дело. Так и с духами. Я не верил, пока сам их видеть и слышать не стал. Мне тоже положи. Ага, спасибо. Я, кстати, вино принес. – Шаман ловко вынул бутылку из кармана балахона.

– Это ты кстати, а то я не озадачился.

– Рон идет, – сказал Ига, приюхиваясь к шашлыку.

Я подошел к двери и резко распахнул ее.

– Мать Божья! – почти завизжал монах, прижимая руки к груди. – Зачем так пугать святого служителя?! Темные силы сведут меня в могилу!

– Проходи, Рон, ты как раз к столу.

Монаха уговаривать не пришлось. Он прошмыгнул мимо меня и сел за стол, подтягивая к себе шпажку с мясом.

– Ой, господи. Темные дела делаются. Мир падет в бездну. Слуга Смерти готовит лучше храмового повара, – чавкая первым кусочком мяса, сказал Рон. – Чего же мне ждать дальше? Проститутки пойдут исповедоваться? О! Шаман, ты тоже здесь?

– Спасибо, что заметил, брат Рон, – скептически заметил Ига.

– Не ссорьтесь, а то порублю в капусту, – пошутил я и снял оставшееся мясо с огня. Попробовал... суховато. – Ига, разливай вино, стаканы чистые. И хватит на меня так смотреть...

Шаман разлил всю бутылку в мои три кружки, и мы подняли стаканы. Шаман пил «за духов», монах «за Тира», а я «за здоровье». Всё шло хорошо. Ели все с аппетитом, салат с овощами и сметаной был оценен отдельно. Как я успел заметить, монах не зря имеет такое пузо, жрал он за двоих минимум. Мы поговорили про заговор моего первого смертника. Обсудили возможности повторения такого события. Обговорили варианты допросов с сомнительными личностями. Потом, утомившись, гости собрались на выход.

– Ты, Хел, правильный палач. Все бы такими были, – сказал на прощание монах.

– Я зайду через денек-другой, – сказал шаман.

– Заходите, буду рад, – ответил я им, прощаясь.

Убирая со стола после гостей, я еще недолго побыл в некоем недоумении. Наличие таинственных световых явлений в храме, что за сущность такая, что нормально сожительство с духами, которые общаются с нашим шаманом? Отдельным вопросом был и монах Рон. Вот уж явно не святая личность, однако именно он представитель храмовников. Одни только вопросы.

Когда небо обложило звездами, а камин догорел окончательно, я вышел на улицу и сел на крыльцо своего домика. Жизнь есть жизнь. Вокруг бегали кошки, на крышах спали голуби и вороны. Слабый ветер разгонял запахи города. Тишина окутывала немаленький город. Кое-где еще были слышны крики и пьяные песни, но это был правильный фон города рыцарей и прекрасных дам. Умиротворение переросло в сонливость, и я пошел в спальню. Сон должен быть по расписанию. Однако – сглазил.

Глубокой ночью, пока не появился рассвет за окном, я проснулся от несильного стука в стекло моего окна. Опустив руку с кровати, я нащупал свой меч и повернул голову. На подоконнике сидел толстый ворон и неторопливо что-то клевал на подоконнике с обратной стороны стекла. Я сел на постели и поднялся. Меч оставил в комнате, а сам спустился попить воды. Вино оказалось довольно крепким. Вволю нахлебавшись, я снова поднялся в свою комнату и замер у самой кровати.

Окно комнаты было открыто, ворон все так же продолжал тиранить деревянный подоконник. Меч с кровати, где я его оставил – исчез. Сердце участило свои удары, я повернулся к двери. Сердце последний раз стукнуло и остановилось. Тьма, тьма крошечная скрывала внутри себя нечто более темное и холодное. У меня на лбу и теле выступил холодный и липкий пот. Меня будто парализовало. Я разглядел нечто во тьме. Темное марево, что в разы темнее самой ночи, клубилось у стены. Тонкие струи темной материи держали мой клинок и поглаживали лезвие. А потом появилось лицо... Нет. Не лицо – маска. Бежевая маска миндалевидной формы с прорезями для глаз и рта скрывалась среди лент тьмы. Маска посмотрела в мою сторону, оторвавшись от клинка. Прорезь рта немного изменилась, она улыбнулась. Щелки глаз немного изогнулись. Стало страшно еще сильнее. Сердце по-прежнему молчало. Я попробовал отступить. Маска снова изменилась, словно радовалась моим тщетным попыткам. Клинок в руках этого ночного ужаса взмыл вверх, ручка его поплыла в клубах тьмы, а клинок изменил форму от касаний черных пальцев. Не ожидал я Смерть так скоро. Клинок совсем истончился и еще сильнее искривился, ручка меча вытянулась в несколько десятков раз и утолщилась. Словно миг прошел, и вот в руках у тьмы уже не меч, но коса. Смерть снова сменила свою маску, она смотрела на меня спокойно, может даже с интересом. Я медленно поднял руки и смог-таки сделать шаг назад.

Смерть засмеялась детским смехом, от которого волосы даже в штанах зашевелились. Она вскинула свои тонкие руки, и ко мне полетела коса. Я схватил древко, ожидая удержать новое оружие, но меня, вместе с косой, откинуло к дальней стене и прижало к ней. Коса сдавила мои руки и грудь. Ноги мои не доставали до пола, я был, как мотылек, прижатый тяжелой веткой к стенке. Смерть снова засмеялась и приблизилась. Свет от луны и звезд вязнул в ее теле. Маска сменила образ. Маска обижалась или грустила – не понять. Она покачала своей головой и коснулась косы, снимая тонким пальчиком слой древка. Опилки собирались колечками, которые пропадали в руке невиданной сущности. Я повернул голову, чтобы не видеть этой маски. Маска проследила мой взгляд и, еще раз хихикнув, выбросила несколько пучков тьмы на бедную ворону. Птица упала в комнату, не издав ни единого звука. Снова смешок. Я уже и так был на пределе. Повернулся к ней.

– Я тебя не боюсь! – прохрипел я, ощущая давление косы на своей груди.

Маска смерти приняла удивленное выражение. Мои пальцы сами разжали древко косы, и на них стали одеваться деревянные колечки. Черные кольца падали к самым основаниям моих пальцев и впивались в кожу, полностью продавливая пальцы и разрывая кожу. Было больно. Десять болевых ударов на мое бедное тело. Кровь полилась по моим ладоням, рукам, капала на пол громкими каплями. Смерть вновь хохотнула и, выставив угрожающе тонкий пальчик, подмигнула. В следующий миг сгусток тьмы врезался в мой правый глаз, пробивая его насквозь...

– А-а-а-е-е-ы-ы! – вскричал я и мотнул руками. Ничего не вышло – руки запутались в тонком одеяле, и я от резкого движения упал с кровати.

Ошалело сел на полу. Ночь, тишина. Окно закрыто, я один. Все тело словно из печи, жар. Протер рукой лоб и осмотрел руку – все нормально. Пальцы на месте, крови нет. Глаза не болят. Стоп, болит задница – ну да, на пол я падал именно ею. Ощутил жажду. Но почему-то струсил и решил доспать до утра. Не хотелось повторения ночного кошмара.

Глава 3. Выходные

Ох, рано встает охрана... Сидя на своей кровати, я явственно ощущал последствия вчерашней посиделки и бессонной ночи. То ли старость приближается, то ли пить надо меньше. Хотя какое «то ли» – все ясно как божий день – это старость. Я поднялся с койки, взял косу с пола и пошел вниз. Умывание прошло без эксцессов, водяные твари меня в ведро не затанули, да и шансов у них не было, я почти полведра воды выхлебал. Дальше – домашние хлопоты. Завтрак, а перед этим печь растопи, дров принеси, да за водой сходи. Что за город такой, если жизнь в нем почти ничем не отличается от деревенской?

Огонь в печи разгорелся, я поставил на отверстие железный блин и установил сверху чайник с водой и сковороду. Пятнадцать минут спустя я выставил перед собой кружку с чаем и яичницу с подогретым шашлыком. Не справился наш Рон со свиной шейкой. Чего не хватает? Верно – хлеба. Я вышел на крыльцо и посмотрел на рассвет. А потом заметил свою разносчицу хлеба. Девочка Рата стояла на дальнем углу квартала и не спешила идти ко мне. Что? Моя слава бежит впереди света? Я помахал ей рукой. Девочка смирилась, что я ее заметил, и подошла.

– Я вам... хлеб принесла, – сказала она, глядя себе под ноги.

– Спасибо тебе. Ты чего такая хмурая? Обидел кто? – сделал я пробный бросок.

– Нет. Извините. Мне мама... – девочка вынула из платья золотую монетку. – Это вам...

– Ничего подобного. Я оплатил хлеб. Я хочу, чтобы ты мне его и дальше приносила. Забери деньги. Не обижай меня, – отмахнулся я от протянутой монетки.

– Мама сказала отдать. Ваши деньги... они в крови! – выдала она заученную фразу.

– Маме спасибо передай. А денежку возьми себе. Я ее отдал тебе, когда без работы был. Это честные деньги, – начал я нести полную пургу. – Так что монету оставь себе или маме отдай.

– Мне нельзя, большие деньги, – стала несмело отнекиваться Рата.

– Тогда сегодня же потратить немного. Деньги будут поменьше. Сходи днем в лавку Мартина и купи сладостей. Принеси мне немного на угощение, а остальное домой. – Всё, девчонка поплыла. По фигуре видно, где ее слабое место. Она протянула мне корзинку с хлебом, а сама стала на монетку смотреть.

– А если мне не продадут?

– Тогда скажи, что мне покупаешь. Кто же откажет?

– Так с меня вообще денежку не возьмут.

– А ты скажи по-другому, если не продаст. И вообще, чего ты тут раскудахталась? Я хлеб выбрал. С монеткой мы все решили. Беги отсюда. – Я махнул руками с зажатыми булками. Рата засмеялась от зрелища и помчалась по переулку.

Вот и славно. Я вновь осмотрел свой двор. Три дома на Т-образном перекрёсте. Живу как затворник, без соседей и вообще какой-либо жизни. Хотя район тихий – не отнять. Повернувшись к двери, увидел сидящего ворона с седой головой. Птица сидела на козырьке и смотрела на меня. Показав ей язык, я пошел завтракать. Однако мою трапезу прервали на самом интересном месте – стоило только разогреть остывшую еду, как в дверь постучали. Я чертыхнулся и пошел к двери, отпер ее и слегка завис. Брат Рон стоял на моем крыльце. Но в замешательство меня ввел не надоедливый монах, а его вид. Я явственно видел крест их веры на его груди. Неяркий свет исходил чуть ли не изнутри монаха. Монах тоже смотрел на меня. А потом осенил себя святым знамением, отчего исходящий от него свет стал в разы ярче. Мерзость какая. Я прикрыл лицо рукой и отошел вглубь дома.

– Она заходила? – тихо спросил Рон, не решаясь войти внутрь.

– Не знаю. Снилось всякая гадость. Ты чего там застрял? Входи.

– У тебя нет власти надо мной! Исчадие зла! – возвестил мне монах и вошел в дом, словно только что ничего не произошло. – Опять готовишь всякую мерзость...

– Конечно, – кивнул я и закрыл дверь. – Присаживайся, угощайся...

Приготовив еще немного еды, я чуть не начал убивать, прямо при монахе, когда в дверь вновь постучали. Раздраженно я отпер дверь и посмотрел на шамана, что держал на вытянутых руках плетеную тарелку с едой.

– Все знаю, не вовремя. Искупаю свою вину.

Я выдернул тарелку из его руки и пригласил его в дом.

– И ты заходи... Учись, Рон, он хотя бы с подарками, – крикнул я внутрь комнаты.

– Никогда святой человек не принесет дар темному отродью! – раздалось мне в ответ.

– А вы, я смотрю, все еще ладите? – прищурился Ига.

– А куда мы друг от друга денемся? Работаем вместе, жрать он ко мне повадился ходить.

– Это лучше, чем вражда с церковниками. Ты как после ночи? Меня духи несколько часов тиранили. Смерть на улицах, смерть у палача, холодно... И прочий бред.

– Хватит обсуждать свои темные дела. Еда стынет! – привел нас к порядку брат Рон.

Мы сели за стол, и мне, наконец, удалось немного перекусить. Голод на меня напал нешуточный. За едой я заметил изменения и в шамане. Руки шамана излучали неясные мне серые линии, что словно сканировали все, к чему он прикасался, подобные линии были и у его глаз. Однако монах с его регулярными восхвалениями Тира бесил меня куда сильнее. Каждый раз как факел вспыхивал и еще долго излучал этот противный свет. Говорить о том, что со мной произошло, монах запрещал, но и так было ясно, что гости зашли не просто так, и им известно немного больше, чем мне. Трапеза кончилась. Монах откланялся и попрощался, кинув напоследок пожелание «гореть в аду» мне и шаману. Мы тоже послали его, если кому интересно.

– Мне Нил так и не рассказал, как к нему приходила покойная. Ты поделишься? – начал разговор Ига.

– Да уже почти не помню. С утра все было четко, а сейчас отпустило немного. Помню все как сон. Пришла, смеялась, пыталась покалечить. Ворону убила. Да глаз мне проколола. Вот и все, что могу сказать внятного.

– Понятия внятности с тобой я еще обсужу. Она говорила?

Я покачал головой.

– Нет, только смеялась.

– Может, ты и ей понравился? – хмыкнул шаман. – Хотя если подумать, то метка на тебе это объективно ее печать, так что вам в любом случае пришлось бы ладить. Ко мне духи три ночи приходили – кусали, спать не давали, выли по ночам. А на третий день я научился их умирять. Больше не лезут. Помогать стараются, я же и приласкать могу, и палкой по сущности резать. Работа такая. Нервная. А ты безглазую не видишь?

– Да ты чего? Я ночь едва пережил, еще бы я видел ее, – я чуть не перекрестился.

Дальнейший разговор ушел от мистической темы. Теперь шаман мне рассказывал то, что следовало мне рассказывать в день агитации при приеме на работу. Минусы моей профессии. Говорил про людские суеверия, про их отношение ко мне. Рекомендовал линии поведения в различных ситуациях и тому подобное. К концу разговора мне захотелось выпить и проспаться еще раз, но я передумал. Еще до обеда шаман ушел, у него тоже, видите ли, работа есть.

Насущные проблемы в виде хлеба – пришлось снова идти на рынок и по лавкам. Вот где я действительно отхватил своей славы. Кого я мог обмануть своим колпаком? Только глухих, кто сплетни не слышит. Люди меня видели, люди сложили два и два и получили Хела-палача. Все верно. Как сказал казначей, и подтвердила девочка Рата, денег с меня брать перестали. Они думают, что они заработаны убийствами. От солдат-то не брезгают брать монету. Но мне чхать, на самом-то деле. Сложности у меня возникли только у колодца. Девушки не только попытались разбежаться по углам, но и не горели никаким желанием говорить со мной. А это

плохо, сплетни это мои личные СМИ, без этого будет сложно работать. Что еще? А! Меня не пустили в бордель, куда я заходил просто поглазеть. Еще отказали два цирюльника, третий не отказал, но мастером назвать его было сложно.

Похоже, отношения со мной были нормальными только у шамана и монаха. Кстати, о монахах – я теперь их видел за счет новой способности – святыни Тира так светились неприятным светом, что невольно обращали на себя внимание. А также я видел тьму – ага, вот такой я детектор света и тени. Что касается тьмы, то она оказалась разной. Я видел детей, что играли в клумбе около ломбарда. Тьма мягкая, практически незаметная, но есть. Видел странного человека в плаще, тьма вокруг него была колючей, грозной. Он меня тоже заметил, после чего скрылся из моего поля зрения. Еще были девушки с темными силуэтами. В общем, это норма жизни, и мне это знание никак не помогает.

Совершив свои закупки, я отправился к кузнецу, давно хотел заказать ему решетку для мяса. Кузнец встретил меня радушно, заказ принял, подкорректировал его, высчитал стоимость. Сказал приходить через пару дней. Видите ли, у него работы много, чайники продаются быстрее, чем ему металл привозят. Богатеет, гад, за мой счет.

На обратном пути за мной увязалась седая ворона. Я заметил, как она летит за мной, а потом вообще она пошла пешком, иногда подпрыгивая за счет крыльев. Остановившись в переулке, я поставил корзину с покупками на каменную дорогу и посмотрел на ворону.

– Чего увязалась? Еды не дам. Лети отсюда. – Ноль реакции. Сидит, смотрит.

Плюнув на эту странную птичку, я пошел дальше. Дом ждал меня как обычно – прохладной пустотой. Немного затхлый воздух я разгонял просто – открывая окна. Вот в окно как раз ворона и залетела. Взмахнув пару раз крыльями и напугав меня до полусмерти, ворона села на стол и сразу схватила лежащие на тарелки объедки прошлой трапезы.

– А ну пошла вон! – вскрикнул я и кинул в нее яблоко, что держал в руках.

– *Вон!* – закричала она в ответ, увернувшись от снаряда. Я не стал расходовать боезапас и подошел к столу.

– Значит так, ты мне не нравишься. И я против твоего проживания здесь. Тебя кто послал? Смерть?

– *Смер-р-рть*, – ответила ворона. – *Ты мне не нр-р-равишься!*

– Ну так вали отсюда, – сказал я и только сейчас заметил нити тьмы у глаз вороны. Ясно, Смерть недаром ее прикончила. Дала мне живность? Беспокоиться о моем душевном равновесии? – Страшно было?

– *Стр-р-рашно*, – ответила ворона. Ну, по крайней мере, она отвечает.

– Ясно. Ты у меня мальчик или девочка? – Ворона молчала. – Тогда буду звать тебя Сюзанной.

– *Ты мне не нр-р-равишься!*

– А Борисом?

– *Бор-р-рис-с*, – повторил уже ворон и снова схватил еду с тарелки.

– Хватит жрать объедки! – выхватил я из-под ног ворона тарелку, чем неслабо его шуганул. – Есть будешь, что я буду давать! И срать летай на улицу, там места полно.

– *Ты мне не нр-р-равишься!* – ответила ворона.

– И тебе с этим жить, – спокойно констатировал я и пошел мыть тарелку.

Готовка заняла немного больше времени, чем я рассчитывал. Тупая ворона постоянно таскала заготовленные мясные кусочки, что заставляло меня нарезать их заново. В остальном обед прошел штатно, обожравшийся ворон лежал на полу, раскинув крылья и вывалив язык. Культурно отдыхал, так я решил. Скучать дома я не хотел, у меня и так работа скучная. Ну, в основном скучная. Поэтому я взял немного налички и пошел гулять по городу.

Я даже заскучал по первым спокойным дням, когда услышал знакомый голос, переходящий в крик. Невзирая на толпу, я распахивал людей локтями и пробирался к лавке Мартина, примерно представляя, что там увижу.

– Мама!!! Мамочка!!! – кричала бедная Рата, которую за одну руку держал толстый Мартин.

– Это воровка! – вещал лавочник и показывал золотую монету. Толпа кивала, что людям еще делать? А тут зрелище, чего не поддакнуть. Даже нашлись те, кто опознал золотой в его руках.

– Отпусти ее, – сказал я, выходя за первую линию толпы.

– Палач пришел за жертвой? – обескураживающе проговорил торговец, а бедная девочка побледнела и была готова свалиться в обморок. Толпа сзади охнула.

– Эту монету... – Я осекся, стоит ли девочке жизнь ломать? – Дал ей шаман Ига, – нашелся я, что соврать.

– Шаман деньги не раздает, – засомневался лавочник. – Да и почему тебе знать?

– Он был у меня в гостях. И предложил маленькой девочке купить ему сладости, – скрепив руки, утвердился я во вранье. Рата просекла спасительную ложь и стала поддакивать.

– Мы тогда сходим к шаману и спросим у него, – набычился Мартин.

– Не доверяешь? – покачал я головой. Гул толпы был мне подспорьем. – Тогда пошли, спросим у шамана, кто из вас преступил закон или кто нарушил права свободного человека.

Мартин явно начал сомневаться, отступить сейчас он не хотел, но и ссориться с палачом тоже дело не из лучших. Он разжал руку девочке. Рата отпрыгнула от него, но не убежала.

– Беги, девочка, слова палача достаточны для твоего оправдания, – махнул он.

– А сладости для дяди Ига? Мне что к нему идти и сказать, что вы не продаете? – А девочка не промах, сразу быка за рога взяла. Люди поняли, что тут стоять только время терять, и стали расходиться.

– Заходи и покупай... – процедил лавочник.

Я для собственного спокойствия остался рядом с лавкой. Рата появилась затаренная пятью узелками с самыми разными сладостями. Было видно, что этот груз ее нисколько не тяготит. Девочка подошла ко мне и выдала самый худой из свертков.

– Это вам... дядя палач.

– Спасибо, Рата, а остальные себе?

– Нет, пойду к дяде Иге, расскажу ему и поблагодарю за то, что он есть. Спасибо вам, что не рассказали... – она примолкла, я понимал, что она недоговаривает, но это норма.

– Беги, Рата, и если что, всегда зови.

Она убежала, а ко мне подошел Мартин. Глазки в пол, сам немного ссутулился, мнет шапку в руках. Я посмотрел на него.

– Извините меня за дерзость, господин Хел. Но что мне надо было думать? Пекари никогда больше серебряной монеты в руках не держали, а тут мелкая, да с золотом.

– Не суди, да не судим будешь, – ровно сказал я, не убирая рук с груди.

– Это вы верно сказали. Вы судья, и вы знали истину, а я просто торговец.

– Тогда торгуй, а не суди. Рата честная девочка. Светлая душа и радость родителей. Ты бы сходил к ним да гостинцы принес, а то думаю, сплетни об инциденте уже дошли до них. Они расстроятся да дочку отлупят.

– Непременно, – поклонился лавочник. – Прямо сейчас и схожу. А вы еще раз простите меня. Бесы попутали.

Я посмотрел на лавочника, нет, ни грамма тьмы, но и не грамма света. Простой человек, коих тут большинство. Похлопав его по плечу, я ушел не оборачиваясь. Может, сегодня я спас чью-нибудь задницу от ремня, причем в прямом смысле слова. Надо и мне сходить к булочнику, хоть познакомлюсь.

Встречу с булочником и семьей я отложил. Не знаю как, но Мартин успел раньше меня. Гость сидел с торговцем хлебом за столом во дворике, и они оба хохотали, как старые друзья. Все были довольны. Ну и хорошо. Я снова спас мир. Аве мне. На пути домой мне на плечо села толстая ворона, как нетрудно догадаться, это был Борис. Я сделал вид, что ничего не произошло, однако не все так решили.

– Исчадия тьмы собирают силы! Да падет гнев Тира на головы верующих, кто знал, но смолчал!!! Кто догадывался, но не исповедовался!!! – раздались крики со спины.

Я повернулся.

– Силы света слабеют! Тьма покорит этот город! Брат Рон, я вызываю вас на поединок! Не желаете сразиться с тьмой на равных? Только вы, я и бочонок пива?

– *Пива!* – гаркнул у меня под ухом ворон. Какой же он шумный...

– Боюсь, бочонок падет невинной жертвой в этой войне. Но от сражения свет никогда не откажется. Святому духу – святое дело. Где ты пиво покупать будешь?..

Выпить по плану не удалось. Кто к нам зашел? Никогда не угадаете... Мартин! Во как. Однако ненадолго, так как второго бочонка у нас не было, а кого-то послать за ним надо было. Еще, к общему удивлению, пришел шаман с супругой и тремя бутылками вина. И под занавес – двое стражников, что пришли проверить, кто шумит и почему. Как и следовало ожидать, шаман с женой ушли первыми, потом откланялся Мартин, так как ему рано утром сладости готовить, а у помощников руки из низа спины растут. Монах держался дольше всех. Уже стражники ушли, опираясь на копыя как на костыли, а он все держался. Я признал поражение тьмы, хотя мы с вороном явно поддавались.

– То... то. Свет никогда не сдасть... ик... ся. До завтра, палач. У нас в казима... матах твой клиент сидит... Оформлим ик... ик... приду, короче.

На такой радостной ноте мы и расстались. Я даже толком не помню, как дошел до второго этажа, но помню, как точно я зашвырнул пьяную в хлам ворону в кучу белья в углу. Попал не сразу, а со второй попытки, но думаю, он простит...

Седьмой день. А я уже ненавижу эту жизнь... Тяжесть и боль всего мира легли на мои хрупкие... голову. Ужас. Что толку от моего видения тьмы, если я не вижу ее в бутылке? Я вышел из комнаты на ватных ногах и чуть не сверзился с лестницы, едва не наступив на ворона. Бедный птиц шел по ступенькам пешком, волоча за собой крылья. Что, птица? Пережрал? Я нагнулся и едва не выплеснул всю боль на голову ворона. Поднял за крыло слабо трепыхающегося посланника тьмы и пошел с ним в ванную. Окунувшись в ведро с водой, я засунул ворона туда же и прополоскал его. Ворон матерился и каркал. Где только набраться успел? Затем вместе с ним вышел в первую комнату. Бардак был невероятный, Борис спрыгнул на стол и попытался подобраться к кружке, но был пойман за хвост.

– Неправильный опохмел ведет к запою, – нравоучительно сказал я.

– *Ты мне не нр-р-равишься!* – закричал ворон.

– И тебе с этим жить...

Утро. Уборка. Полное отсутствие сил и желания жить. Все это способствовало моему рабочему настроению – хотелось убивать. Но к приходу Раты я немного пришел в себя. Девочка уже не вздрагивала, когда видела меня с голым торсом, но вот мое лицо немного ее напугало.

– Что с вами случилось?

– Мы с братом Роном выясняли, кто сильнее – свет или тьма.

Девочка даже руки к лицу поднесла и покачала головой.

– И что? Свет же победил?

– Конечно. Свет победил. – Я присел на лавку и открыл принесенную корзинку. Выбрал булочки с повидлом, пять штук, и батон отрубного хлеба.

– Это же хорошо! Правда? Ой! Смотрите, ворона, – указала мне за спину девочка. Я повернулся. Ворон шел пешком из дома и тащил в клюве вчерашний сыр. Кусок молочного продукта был сравним с его головой. – Она у вас сыр стащила.

– *Ты мне не нр-р-равишься!* – закричал ворон и выронил свою добычу.

– Ой! Она говорит! – подпрыгнула Рата и отошла подальше.

– И не только говорит. Ладно, ты ступай. – Я нагнулся и поднял сыр прямо перед носом ворона.

– *Сдохни!* – крикнул ворон и, встав на крыло, схватил отложенную булочку со скамейки и полетел в сторону от дома.

Что тут говорить, дети любят зверушек и птичек. Рата минуты две поспрашивала меня, как учить птиц разговаривать и где можно найти птенцов, а потом побежала по своим делам. Я вернулся домой и начал думать о хлебе насущном. Ближе к обеду, когда мои мозги окрепли и начали отличаться от каши, ко мне зашел мой любимый монах. Вот сегодня он меня бесил. Как он умудряется после вчерашнего так хорошо выглядеть? Секреты? Талант? Наверно, талант... или опыт.

– Исчадие тьмы! Отрыжка мироздания! Вижу, не прошла даром моя победа? – сказал монах, заходя в дом.

– Давай без чинов. Есть хочешь? У меня бутерброды с сыром остались и булочки с повидлом есть, – махнул я рукой монаху.

– Обьедки мне предлагаешь? Великий грех на меня вешаешь! – не унялся монах, но сразу подхватил бутер и закинул его в рот. – Я по делу. Вот бумаги. Разбойники у нас у дорог крутятся периодически. Всех поймать не смогли, но вот двое уже ждут знакомства с тобой. – Две бумажки перекидывали ко мне. А монах начал заглядывать в кружки.

Я налил ему чай, а сам посмотрел в бумаги. Два мужика, «джентельмены удачи». Орудовали на дороге между двух городов около месяца. Банда примерно из десяти таких же отморозков. Убивали только стражников и немногочисленный караул. Баронов и прочих не трогали, разве что поколачивали иногда. Невеликий грех, за что на казнь? Убийства на дороге тут дело вроде не экстраординарное, сколько таких разбойников по кустам гниёт?

– Брат Рон, а почему их на каторгу не отправить? Не такие уж они и злодеи, я погляжу.

– А все просто. Мы никогда не щадили бандитов с дороги. И у нас самые безопасные тропы. У соседей таких вот, – он указал на бумаги, – в несколько раз больше. Не стоит жалеть эту падаль. Мы поговорили с ними. Нет там ни чести, ни совести. Да и тощие они для рудников.

– Ясно. Сегодня вечером?

– Непременно. Завтра приезжает в город наш любимый пресветлый епископ Реват. Праздник будет в храме. Так что казнь надо сегодня доделать. Неделя будет непростая, чуют мои старые кости. И шаман того же мнения.

– Был у него?

– Зачем? Он нам вести от духов сам присылает. – Монах вынул из своей рясы сложенный желтоватый лист. – Вот, читаю. Духи мира людского видят спокойствие на остатке недели, но боятся смотреть в будущее. Грядут сложные недели, либо сложный месяц. Дальше туфта какая-то. Не прогноз, а что попало, – закончил Рон и спрятал листочек.

Мы еще немного побеседовали, обсудили слухи. Рон поведал мне, что в городе еще много разной швали, что пропали две девушки без следов. Еще одна найдена мертвой за городом. Стража ищет убийцу и постоянно приводит воров на суд в церковь. Жизнь штука хорошая, но дорогая. Мы распрощались, и я уже спокойно закончил уборку. Надо готовиться к рабочему вечеру.

Я стоял посреди комнаты в полном облачении и конкретно «тупил», глядя на косу. Нестыковка. Ножны на спине для меча. Меча нет, коса есть. «Я схожу с ума», – пришла умная мысль в мою больную голову. В следующие минут сорок я перешивал ножны, распарывал их,

сшивал заново. В итоге сделал три петли для косы. Примерил. Жуть. Я и до этого внушал только страх, а теперь и вовсе рыцарь смерти. Коса торчала над моей головой примерно на полметра по дуге, а ее древко торчало снизу до колен. Неудобно жутко, но смотрится колоритно. В дверь я прошел раза со второго, хоть в руках неси... оружие смерти.

Люди на площади оценили мой новый девайс и теперь отступали подальше. Вдруг упаду да проткну глупую голову, нечаянно. На эшафоте скучали трое монахов и двое связанных пленников. Пленники просили помиловать их, мол, бесы попутали, демоны души захватили. Я посмотрел на эту пару. Тьма была внутри каждого из них, особенно на руках. Изверги как они есть. Без гнева и пристрастия. Я поднялся на эшафот и сказал свою речь. Дальше... А что дальше? Рабочие будни, что о них говорить? Работа выполнена, принята и занесена в отчет. Миловать двух душегубов никто не собирался, и дурных в толпе не нашлось. А я задумался, что мне повезло с рабочим местом. Тела убирал не я, вонь дерьма нюхать не надо. Убил и свободен. Пара монахов с небольшой опаской оценили мою косу и черное сердце. Рона среди них не было, поэтому было скучно.

На обратной дороге на меня сел ворон. Отоспался, видимо, протрезвел. Шли мы молча. Люди уходили с нашего пути, поэтому все прошло спокойно. Моя слава убийцы шла впереди меня. Хлебну я, наверно, от этого, да не раз. Но меня почему-то это не сильно беспокоило, в отличие от известий шамана...

Когда солнце село, а я закончил свой дикий эксперимент с зельеварением, я понял, что монах – мой личный бич. Я только снял небольшой котелок с огня и понюхал горячий глинтвейн, как дверь распахнулась, и ко мне зашел Рон.

– Добрый вечер, – сказал монах и сел за стол.

– Даже оскорблять не будешь? – удивился я и окунул черпак в котел.

– Не хочу. Проблемы в храме. Епископ прибыл час назад, а у нас бедлам, ничего не готово.

– Проблемы на работе – оставляй на работе. Ты в гостях, – сказал я и поставил горячий напиток перед Роном, тот обхватил кружку и стал греть руки.

– Епископ сказал, что у нас слишком много тьмы в городе. Грядет чистка частым гребнем. А я так этого не люблю. – Он отпил глинтвейн и заглянул в чашу, где плавали травы и кусочки корицы. – Это... что?

– Глинтвейн. А что значит слишком много тьмы? Он долго отсутствовал? Или это просто порядка ради? – я сел напротив и отпил варева. Фу, блин. Сладкий!

– Застыть мне в ледяной тьме! Ты не палач! Ты демон-искуситель! Что за глинтвейн? Давай я найду тебе замену, иди в повара в наш храм!

– Рон, – наклонив голову, поправил я монаха.

– Прости. Кормят у нас отвратительно. Да, он полгода не был в городе. А тут ты, как черная клякса на белом полотне, еще пара темных мест на карте города. А казней мало. Не справляемся, значит. Ну, а что я могу? Что могут братья? Сестры? Он-то только по городам ездит. И повар у него личный... – обиделся под конец монах и допил горячий напиток. Ворон запрыгнул на стол и подошел к Рону. – Она еще жива?

– Он. Да, твоя победа не столь сокрушительна, как ты думал. Брат Рон, не отвлекайся. Ты же не просто так зашел. Ты меня предупредить хочешь? – я посмотрел в несчастные глаза монаха. – Сейчас налью. Ты говори, говори.

Монах ушел поздно, неплохо набравшись алкоголем, а я остался в раздумьях. Могут ли мне навредить так называемые светлые силы? И чего собственно стою я, после общения со смертью и шагнувший на темную сторону? Мысли-мысли, но кто мне что подскажет? Шаман не темный, он серый, другой. Монах светлый, но странный. Тоже советник так себе. Ладно, завтра пойду в город и плевать, что Рон рекомендовал оставаться дома. Он же сам все мои запасы жрет, как крокодил...

Глава 4. Трудная неделя

Стук воткнутого в стену ножа прозвучал почти одновременно с криком *«Ты мне не нр-р-равиишься»*. Тупая ворона! Мало ему что он разбудил меня, как петух, до рассвета, так еще и кружку с чаем опрокинул, когда воровал мой бекон с тарелки. Вот все, что только он мог сделать – сделал. Жаль, я промазал, на сантиметр, но промазал. Я подошел и выдернул нож из стены. Борис сидел на подоконнике и смотрел в окно. А не открою. Сам учись! Я отпихнул ногой стул и поставил тарелку на стол. Сел. А чего сел? Хлеба нет, чем яйца вымакивать? Вновь поднялся и вышел на крыльцо. Ворон пронесся мимо меня и унесся в небо.

– Доброе утро! – сказал мне стражник, что стоял в нескольких метрах от моего дома. А не тот ли это стражник, что выдул пяток литров пива за мой счет?

– Доброе, служивый. Что забыли в моем районе? У меня тут даже крысы не ходят, все спокойно.

– Приказ. Его святейшество сегодня в город выходит со свитой, надо стоять на каждом углу, – ответил стражник и повернулся. Из-за угла выходила Рата с корзинкой. – А вы говорите, все тихо и никто не ходит.

– Тут все свои, чужих нет. – Рата дошла со своей корзинкой до крыльца и села.

– Добрый день!

– Добрый, Рата. Что новенького есть? Булки с маком еще не печете?

– Пока нет. Дорогие получают булки. Здравствуйте! – помахала она рукой стражнику. – Не хотите булочку купить? – на слове «купить» стражник помрачнел и покачал головой.

– Не обращай внимания, – сказал я и взял свой хлеб, как всегда горячий и ароматный.

Рата помахала мне рукой, сказала, что сегодня у нее очень много дел, и убежала. Служивый отказался зайти ко мне, служба у него. Так что я остался один. Завтрак в тишине – благодать. Потом я собрался и, схватив два ведра, пошел к колодцу. Девушки с ведрами, видимо, привыкли ко мне как к неизбежному злу, поэтому подпускали меня набирать воду. А я развлекал их беседами и помогал набирать воду. Наверно, они рассматривали меня как нелюдя, но занимательного, забавного. Еще бы, я столько шуток мог рассказать за те десять минут, что воду набираю.

В городе было безлюдно. Наверно, святейший не святой трепет вызывает, а натуральный страх. Половина лавок не работали, даже кузнец закрыл кузню. Но во всем есть свои плюсы, я прогулялся там, куда ранее не заглядывал, нашел интересные места и даже пару памятников. Отдельным бонусом была лавка торговца рыбой. Вот это был клад. Одноглазый седой дед с тремя внуками лет по десяти продавал рыбку. Рыбку соленую, сушеную, копченую, вяленую... Чуть слюной не захлебнулся. Ушел я от него с новой корзинкой, наполненной вкусняшками и продуктами длительного хранения. Кстати, надо корзины отдать обратно, а то их у меня уже восемь. Обратный путь был наполнен приключениями. Для начала двое стражников остановили молодого парня с пачкой листов, и откровенно глумились. А мальчик просто рисовал угольком на листочках. Хотя какой мальчик? Кабан лет пятнадцати, ему бы работать да жену искать уже.

– Что происходит? – спросил я, чем привлек внимание двоих стражников в зеленых мундирах. Они повернулись нарочито лениво, но почти сразу опустили глаза в землю.

– Доброго дня, палач, вот па... – он не договорил, так как парень при звуке «палач» грохнулся как подкошенный. – Вот тьма! Извините нас, мы сейчас его к лекарю отнесем. Что за день...

Я не стал вмешиваться в их проблемы, хватит того, что уже сделано. Другие стражники со мной здоровались и слегка кивали головой, я не отставал и кивал в ответ. Вежливость может много, а вежливость и должность палача – может больше. Еще навстречу попала группа

монахов, что шли со скоростью ветра. Вот они не поздоровались, а еще «светлые» называются. Дополнительной неожиданностью были гости у моего дома.

Трое монахов и четыре стражника беседовали около моего крыльца. Я осмотрел эти светлые лица и подошел.

– Добрый день, господа. Чем могу быть полезен? – обратился я к пришедшим. Рона среди них не было. А жаль, настроение бы поднял. Мне ответил монах с белым поясным ремнем.

– Светлого дня, Хел-палач. Мы прибыли по поручению пресветлого епископа и желаем проводить вас к храму для знакомства с его святейшеством.

А он мне уже не нравится. И друзья у него нехорошие. Да души еле светятся.

– Могу ли я отклонить приглашение? Я прибыл домой после рынка и хотел отдохнуть, – попытался я выгадать для себя время.

– Сожалею, но отклонить просьбу верховного духовника города не представляется возможным. Оставьте свою поклажу и пройдемте с нами.

Делать нечего, я человек подневольный, на работе тем более. Я вошел в дом и разложил продукты, выставил две бутылочки столового вина, схватил с тарелки холодные кусочки мяса. А потом оделся по форме и нацепил косу за спину. При параде пойду. Только после этого я вышел. Вели меня долго и скучно. На разговоры никто не цеплялся, сами провожатые шли молча. Скучно же. Вот когда меня привели к церкви, я уперся рогами в землю. Не пойду! Мне и одного раза хватило, а сейчас я еще и видел эти световые эманации. Не пойду!

– Но вы должны пройти через церковь, – упирал на свое монах. – Это путь в храмовый двор.

– Вот и идите, я не пойду в эту обитель горя и молитв, – я отшагнул еще на шаг.

– Вы разгневаете бога своим поведением! Кара настигнет вас и за пределами церковных дверей! – монах, видимо, наслаждался этими издевками. – У вас нет выбора, стража затащит вас, если я прикажу.

– Согласно королевскому указу – религия для свободного человека, это его личный выбор. Вы не можете меня принуждать.

– Я не заставляю вас верить, я прошу пройти через двери храма. Это не страшно, бог любит всех нас. Даже вас.

– Позовите брата Рона, я буду говорить только с ним, – зашипел я, отступая еще на шаг назад.

– Брат Рон искупает свои грехи, он не может покинуть храм, по крайней мере в ближайшее время.

Я сделал еще один шаг и замер. Около входа в храм стояла Смерть. Она улыбалась своей маской. Среди дня она не выглядела столь ужасающе, как ночью. Она была прозрачной, и ее ленточки тьмы были хорошо видны среди ярких вспышек света из храма. А чего это она лыбится? Смерть вскинула тонкую ручку, в которой появилась коса, и она спокойно зашла в храм, поглощая свет от неведомых сил. Это типа намек? Я закинул руку за спину и схватил древко своей красивой косы – орудие смерти. Стражники отпрянули и схватились за эфесы мечей. Монахи начали осенять себя.

– Я пойду только так, мне неуютно в церкви, – сказал я тоном, не терпящим возражений. – У меня с психикой проблемы, мне так спокойнее...

Вот уж блин, как в воду глядел. Храм был наполнен светлыми шарами, что мелькали из угла в угол, а стоило мне войти, как они начали атаку на меня. Однако ничего сделать не могли. Лезвие косы, что приласкала Смерть, или кто она там, очень умело поглощало свет, отчего все световые вспышки начали сторониться меня. Косу можно было и не доставать, она же и так над головой. Но вот хоть убей – было неуютно. Церковь была длинной, яркой, с золотом и дорогим шитьем. Слава Тьме, мы ее прошли. За зданием церкви стоял большой собор, окру-

женный большим парком. В нем и дожидался меня епископ. Я закинул косу за спину и шел уже спокойнее.

Епископ сидел в красочной беседке с неизвестной мне женщиной в красивом бело-зеленом платье, завершал картину зонтик. И еще в компании был казначей. Я приблизился к этой компании и наклонил голову, и именно в этот момент на нее сел ворон.

– Вот мы все и в сборе, – спокойно сказал епископ, голос его был слегка с хрипотцой. – Эту тварь могли бы и не брать с собой.

– Мерзость какая, – выразила свое мнение дама и поморщилась.

– Он сам по себе, – сказал я и, сняв косу, сел на скамью в беседке. О! Печеньки!

– Можно спросить вас, доблестный палач. Вы взяли свое кровавое оружие для устрашения или для статуса? – обратился ко мне епископ.

– Для статуса, и этот клинок ни разу не касался человека. Так что расслабьтесь. Я возьму? – спросил я и сразу взял пару печенюшек из хрустальной вазы.

– Берите, конечно. Вы извините, что оторвал вас от ваших, несомненно, важных дел, но я, как лицо высшего совета, должен видеть нового палача. И я, честно сказать, впечатлен. Молодой, нет тридцати, сильный. Спокойный. Работу выполняете хорошо. Имеете рекомендации от церковного состава, не самые легальные и чистосердечные, но тем не менее. Нилу до вас далеко, он такие рекомендации лет через десять только получал, а не в первую неделю. Вы не могли бы показать мне вашу метку? – резко сменил тон разговора церковник.

– А вы не могли бы показать свое мужское достоинство? Да не смущайтесь, что же тут личного? Я вам, а вы мне?

– Какой вы мерзкий, – выдала дама, но на мою защиту встал ворон.

– *Ты мне не нр-р-рависься!*

Молоток! Я надломил печенье и двумя пальцами поднял на уровень плеча половинку, как сигаретку. Ворон спокойно взял угощение и проглотил его. Дама этот жест поняла правильно – достала веер и начала обмахивать себя так, чтобы нас не видеть. Я надкусил печенье и едва не выплюнул его обратно. Гадость-то какая. А вот ворон выплюнул, причем громко.

– Зачем же вы ругаетесь? Леди Лесарда очень хотела посмотреть ваш дом и два прилегающих к ним. Ведь по сути вы занимаете три дома, – вступился казначей. – Есть предложение выделить вам место для нового дома и занять ваш с соседними домами.

– А где вы хотите выделить мне место? – А что? Почему бы и нет. Мне все одно он не нравится.

– Восточные дворы. Там есть небольшой холм за торговой площадью. Пять лет назад там сгорел дом барона Веральского. Он бы восстановил его, если бы сам не наблюдал пожар изнутри. Дерево оно такое. Вот так холм и стоит. Место страшное, там погибло пять человек...

– Ладно, хватит расхваливать место. Я посмотрю сегодня. Это всё, что вы хотели?

– В принципе да. Епископ желал посмотреть на служащего Короны, я с леди Лесардой хотел обсудить вопрос недвижимости. Пока всё.

– Тогда я пойду. – Я встал и, повернувшись, увидел ворота церкви. – А другого хода здесь нет?

– По этой тропинке выйдете к парковым воротам. До встречи, палач, – привстал епископ и улыбнулся. Сука, он захотел, чтобы я через его проклятый храм прошел! Припомню, ох припомню.

– До встречи...

Поход к холму я решил не откладывать и пошел сразу на восточную площадь. Рынок здесь так же был пуст, но в целом картину мира я рассмотрел. Благодаря косе, меня стражники игнорировали как цель и только здоровались. А ведь за меня всё решили. Холм был уже частично зачищен и бревна с каменными кирпичами лежали тут же. Немного обидно, но в целом предсказуемо. Место действительно было неплохим. Тогда решено. Я обошел свои

будущие владения, посмотрел со всех сторон и представил новый дом. Пойдет. На плечо грохнулся ворон.

– Нравится место? Я тут жить собираюсь. Ты со мной? – В первый раз ворон смолчал и не огрызнулся. Может, это знак?

– *Ты мне не нр-р-равиишься!*

– И тебе с этим жить...

На второй день текущей недели, далее будем говорить во вторник, ко мне пришел казначей и крепко ударил по моим запасам глинтвейна. Но в целом все было нормально. Мы подписали бумаги на работы, та самая миледи была готова оплатить строительство моего дома, но она, походу, не рассчитала размеры моей губы. Я не заказывал три этажа, я даже два не заказал. А зачем? Мне хватит хорошего дома на сто с лишним квадратных метров, небольшую баню и крепкую беседку-пристройку. Все скромно и достаточно элегантно. План я набросал сам. Из нынешней мебели я хотел забрать только камин, но вот он как раз в движимое имущество не входил. Забил стрелку у слесаря-мебельщика и подписал договор на добровольную сдачу высоты ради своего будущего. Дом обещали возвести за несколько недель, до этого момента я буду слушать, как перестраиваются соседние дома. По плану.

Ага, щаз! Работники – люди простые, они не могут работать, когда я, такой страшный, стою полуголый на крыльце и попиваю горячий напиток. Хотели убрать меня из дома – в гостиницах и постоялых дворах только что деньги не предлагали – лишь бы я ушел. Даже шаман сказал, что он-то не против – но семья... Никто не любит бедного маленького палача. В итоге мне приходилось гулять по городу так долго, как только можно. Зато ночью была тишина.

В среду все было немного интереснее. Стройка была заморожена полностью. Ко мне пришли два монаха с посохами и выдали наряд на работу, благо на завтра. То есть Рон меня информировал день в день, это не норма? Кто там на завтра? Опа! Убийца! Опа! Две девушки-душегубки привлекали клиента и, прибив, грабили его. Жили у нас третий месяц, сами бежали из соседнего города, а их опознали. Вот так незадача. Может, их с насильником в одну камеру посадить? Или он смелый только с одной жертвой? Однако женщин я еще не убивал. Приключение и разнообразие! Непродолжительная подготовка закончилась тем, что ко мне в дом влетел шаман Ига. Бедный мужик был взмокший и запыхавшийся. Я только глаза на него перевел.

– Беги к городским воротам... Быстрее...

Не следует вести светские беседы с человеком, который бежал к тебе со всех ног, чтобы сказать: «Быстрее». Надо двигать булками и бежать! И откуда только силы взялись, да еще и в столь жаркий день? Не знаю, куда я так бежал, но, наверно, я все же успел. В ворота города въезжала целая процессия. Шумные рыцари, уставшие лошади, повозка с клеткой внутри, даже флажки и штандарты были. Еще не вникая в обстановку, я отошел в сторону, за толпу зевак. Процессия выехала на открытое пространство, и рыцари поснимали шлемы с потных голов. Это же словно котелок на голову надеть, где только что кипятик был. Один из них, с зеленым щитом, спешился первым и, повернувшись к толпе, заговорил.

– Люди Старгольда. Сегодня великий день для нас и наших детей. В одном дне пути от нас жила ведьма... – Народ охнул. Тоже мне весть. А вот название города как-то меня обходило, за это спасибо. – Но не бойтесь, ибо я нашел ее логово и пленил коварное порождение тьмы. – Он повел рукой в сторону повозки с клеткой. Я привстал и заметил там маленькое тело, скованное цепями, с завязанными газами и потеками крови на открытых частях тела. Бедная девочка! Тьма действительно окутывала худую девушку, но не сочилась из нее, а именно что окутывала, словно плащ с капюшоном. А этот пажон продолжил: – Мы возвращались домой, когда наш монах заметил силы зла в стороне от дороги, мы нашли подлую ведьму и захватили ее для публичной казни!

Люди начали ликовать. Чего все так рады? Мне работы только прибавится. Никогда я не пойму эту толпу. Рыцарь тем временем подошел к одному из конных и снял с его седла арбалет. А вот этого не надо! Конкуренты мне здесь не нужны. Я быстро начал распахивать зевак, сложно было до первого возгласа «Палач», а потом все пошло как по маслу. Рыцарь, видимо, подумал, что это ему крикнули, поэтому начал оправдываться.

– Нет ничего зазорного в том, чтобы предать смерти ее создание. Праху прах.

– Убери оружие! – я, наконец, прорвался через людское море и вышел в круг, что образовали конные рыцари.

– Как славно начинается день, – улыбнулся рыцарь. – У нас новый палач.

– Вот именно, и не тебе заниматься судом. Это моя работа, – я подошел ближе.

– Здесь я решаю, что делаешь ты, а...

Может, конечно, я зря ткнул его кулаком в подбородок, но как-то поздно эта мысль меня посетила. Рыцарь шваркнулся на спину под нехороший вздох толпы. Рыцари начали хвататься за мечи, но этот молодчик их остановил:

– Не троньте его. Он мой! – Поднявшись, он снял с пояса свой меч, затем стянул железные рукавицы, снял кирасу.

А, я понял! Я тоже снял со спины косу, снял перчатки. Всё, у меня больше ничего нет, я готов. Да вот только к чему? Рыцарь кинулся на меня, и началась форменная драка. Он был силен, молод, горяч и могуч. А я был зол. Пропустив два удара от тяжелых кулаков, в корпус и в щеку, я парировал следующий удар рукой и нанес неплохой выпад локтем. Затем добавил коленом под дых. Далее уже я получил два хороших удара по уху и подреберье. Стало трудно дышать, но не отступать же? Снова короткий выпад, есть, попал в нос. Кровища пошла ручьем. А потом уже я получил, а потом он. Наша драка шла, наверно, минуты три, пока не вмешались местные стражники. Эти навалились на нас и буквально отодрали друг от друга. К моей шее сразу приставили меч. А вот того гада просто на ноги поставили.

– Отпустите его, – сказал доблестный рыцарь и стер кровь с губ.

– Но, милорд, он напал на вас, мы видели... – начал оправдываться начальник стражи.

– Я сказал, мля! Отпустить! Его!!! – закипел рыцарь.

– Слушаюсь, – кивнул начальник стражи и махнул рукой. Сразу стало легче дышать, но сложнее стоять. Людская поддержка очень важна, но пока мне и скелета хватит.

– Я полагаю, наш новый палач изволит извиниться перед принцем? – сказал рыцарь. А где принц-то? Ой... ей. Кажется, я догадался. Да и срать!

– Прошу прощения, милорд, я вас не признал, – поклонился я. – Прошу зайти ко мне в гости сегодня к вечеру, дабы принять мои искренние извинения. А для вашего спокойствия можете взять с собой и стражу, и монахов, и няньку. – Я поднял гневный взор.

– Экий нахал, – сказал принц и вернул свой меч в ножны. – Я зайду, не сомневайся. – Он хотел отвернуться, но вспомнил о ведьме. – Да, и эту оттащите в храм. Пусть монахи с ней возятся.

Что странно, так это то, что мне никто не препятствовал, а некоторые даже по плечам постукивали. Видимо, принц давно всем на жизнь гадит. Я поднял свою косу и машинально закинул ее за спину. Надо умыться, а то кровь на лице застывать начинает... Пройдя через рынок и редкие рабочие лавки, я купил немного продуктов под праздник. В таверне купил напитков на любой вкус, ну как купил – взял за счет Короны. Корона изволит пить – Корона платит. Дома меня дожидался ворон, что с остервенением долбил на полу бутылку с вином. Хитрый какой, сам хотел напиться, а меня не позвал?

До самого вечера я занимался домом и своим лицом. Что ни говори, а помял мне его принц знатно. Ухо, глаз, щека и шея ныли от полученных травм. И вот он долгожданный стук в дверь. Я поправил свой наряд и открыл ее.

– Неужто исчадие зла получил по своей милой роже?

– Рон, ты чего тут делаешь? Свет тебя дери!

Монах по-хозяйски вошел внутрь.

– Я слышал, ты переезжаешь, вот решил зайти, расспросить, куда мне ходить впредь.

– А то, что я принцу морду разбил, ты не слышал?

Монах замер прямо у стола.

– Что... что ты сделал? Тир всемогущий, что же теперь делать? – монах натурально забежал по комнате. – Где же мне теперь пить? И с кем?

– Шут гороховый, – я хлопнул дверью. – Хоть бы вид сделал, что тебе не все равно.

– Ты издеваешься?! Я только нашел место, где мне всегда рады. Я только-только начал хорошо кушать, а ты свою голову под собственный топор суешь. С ума сошел? Принц он же не от мира сего! Знаешь, каким он был ребенком? Да вся церковь ходуном ходила, когда он войну с демонами там затеивал и грязью в стены кидался. У меня до сих пор мозоли от тряпки не зажили. – Монах протянул мне чистые изнеженные руки.

– Ага, представь, что я поверил. – Я открыл дверь, дабы монах ушел, но вместо этого в дом зашел Борис. Нормально так зашел, как король – пешком и с высоко поднятой головой. Мы проводили его взглядом.

– Я никуда не пойду. Мне еще помянуть тебя надо. Да и нам ведьму привезли сегодня... А-а-а-а! Вот откуда у нас ведьма...

– А-а-а-а! Вот почему, у меня друг-монах такой дурной? – передразнил я монаха. – Ладно, садись. Сейчас принц сюда придет. Вместе посидим. Куда собрался? Садись, кому говорю...

Стук в дверь застал нас за неприглядным действием, но благо его никто не видел. Я отпустил пояс монаха и последний рухнул на пол. Я вновь поправил свой костюм и прошелся к двери. Открыл ее. За дверью на крыльце стоял принц в очень хорошем и дорогом прикиде. Шпага на поясе, прическа поправлена, усы сбриты. Другой человек. Я поклонился и отшагнул в дом, пропуская гостя и демонстрируя свои благие намерения перед десятком стражников, что остались около дома. Принц вошел и остановился перед столом, за которым сидел брат Рон. Монах молился.

– А ты, значит, про монаха сам подумал? – спросил принц.

– Да, вдруг грехи кому отпустить надо. Брат Рон, извольте избавить мой дом от ваших молитв, у меня на них аллергия.

– Может, мне палач все же объяснит, почему я приперся в этот клоповник и смотрю сейчас на жирного монаха и ворону, что жрет из тарелки. – Я выдернул нож из столешницы и метнул в Бориса. Как эта крыса с крыльями уходит от моих бросков?

– Извините за ворона, он пока невоспитан. А брат Рон решил разделить с нами трапезу. Присаживайтесь, принц, не стесняйтесь. – Принц посмотрел на меня непонимающе, но сел. Я выставил перед ним новую тарелку и наложил в нее шашлык, маринованный в вине, с луком и перцем. Плеснул горячего глинтвейна в кружку, повторил все это трижды, выставил сало, лук и прочую хрень. А во главе стола поставил бочонок с очень неплохим пивом. Как помирить двух людей – напои их, и все срастется. Правильно? Проверим.

Начало нашего ужина началось с рассказа принца о его путешествии, затем плавно перекло на меня, кто, как, откуда и прочее. Затем пошли шуточки и подколки. Глинтвейн закончился и в ход пошло вино. Трижды заходили стражники и интересовались, как у нас дела. А потом начались откровенные беседы.

– Ты ж единственный, кто мне в морду дал за все годы. Даже мои учителя по боевым искусствам боялись касаться меня. Я же не сразу понял, что правда за тобой. Но ведьма. Ведьма! – принц стянул со стола очередную рыбку и начал пытаться ее очистить от чешуи. – Мы же пока ее брали, она троих прокляла, двое влюбились в нее. Это ж неспроста.

– Силы тьмы коварны, – вставил свои пять медяков Рон.

– Правильно, толстый монах, правильно. Она ловкая, как кошка. Мы пока ей глаза не закрутили и рот не заткнули, всем дурно было. Мы бы ее прямо там разделали, но святоша наш... прости, Рон... Сука! Развылся, надо в город ее и сжечь на площади, сжечь, сжечь! – принц чуть не сплюнул. – Намаялись, как на войне. А ведь она девка молодая. Попадись нам опытная ведьма, не ушли бы наверняка.

– *Сука!* – закричал ворон.

– Так, милорд-принц. Прошу не выражаться, ворон пьян и несдержан... Тьфу. Несдержан. И все, что он услышит, использует против меня утром, – сказал я.

– Все нормально, палач, все нормально. Завтра все кончится. Подождешь ведьму, будем спать спокойно. Ты же нормальный темный, ты ж наш...

Ты же наш. Что хотел сказать этим принц? Есть ли у меня выбор, или все давно решено за меня? Это были все мысли, что тревожили меня новым утром. Утро, кстати, было прекрасным. Я проспал и уже смотрел на собирающееся подниматься солнце. Голова была свежа, мысли ясны. А вчерашние повреждения совершенно не беспокоили. Вот ворону было хуже. Не знаю, как и почему, но он висел под потолком, привязанный веревкой за ногу. Я встал и отвязал несчастную птицу. Ворон ловко цапнул меня за палец и вылетел в открытое окно.

Остаток дня оставил мне самые теплые и милые чувства. Я убирал дом, готовил для себя любимого, сходил на место строительства своего нового дома. А еще думал и думал. Кто я? Тварь дрожащая или право имею? И пришел к выводу, что имею, а кто против – вход на плаху бесплатный, перед казнью можно покривляться рядом со мной. Дальше были сборы и подготовка к казни. Путь на площадь, эшафот и три несчастных, что ждали своего часа. Все переодетые в стильные мешки с дырками для рук и головы. Глубоко вздохнув, я нехотя зачитал приговор и деяния убийцы, голову в петлю, рычаг на себя. Девки сзади заревели, в предвкушении своей очереди на смерть. Я же повернулся к ним и заговорил:

– Голову надо было включать раньше. – Они залепетали, что они все осознали, что буквально вчера поумнели и вообще такие все из себя хорошие. Я поржал и добавил: – Если бы хоть одна из вас выступила с предложением выйти замуж за первого смертника – ушли бы оба. Головой нужно думать, а не толпу в петле развлекать.

Тут они заревели еще сильнее. Странно, но их убийства меня никак не тронули, даже несмотря на то что им я головы рубил. Все оказалось просто – взмах, удар, следующий. Весь день так можно махать, главное ногу себе не подсесть при промахе. Тела с пустыми головами растащили служители и стали готовить костер. И на мое личное удивление – костер готовили знатный. Как бы мой помост не загорелся, хотя новый можно будет сделать. Но вся моя бравада кончилась, когда два здоровых тюремщика приволокли ведьму...

Никогда не подумал бы, что я буду жалеть ведьму, но ее было действительно жалко. Она не выглядела как зареванная шлюха, что только что сложила голову на помосте, она была юной и несчастной. Рот ее был завязан лоскутом ткани, руки были связаны до самых локтей, что даже на вид было болезненным. Грязные и растрепанные темные волосы слиплись от крови, глаза под покровом тьмы были напуганными и заплаканными. Надетый на нее мешок окрасился красным на ее хрупкой спинке, ноги несчастной оставляли кровавые следы. Это было жутко. Такая худенькая и нескладная, как же над ней издевались... А еще она боялась, но не смерти, она боялась... меня? А вот и Смерть, легка на помине. Темное марево сформировалось около ничего не подозревающих стражников, и погладила девушку по волосам, она это почувствовала и повернулась, показывая мне тонкую шейку. Смерть посмотрела на меня, она грустила, ей было грустно. Смерти! Грустно! Я стоял, ничего не понимая. Но Смерть отодвинула часть ее волос, словно ветром они были подняты, и я заметил метки. Три черные капельки были прямо под ухом девушки. И какой же я меченый, если буду убивать своих...

Мне вручили бумагу с ее приговором. Я посмотрел на текст, а ее тем временем уже призывали к столбу для сожжения. Текст просто блистал подробностями о ее темных силах, описаниями ее злодейств и помыслов. Зато приговор был короткий. Я опустил лист и посмотрел сначала на девочку, а потом на Смерть, что стояла у кострища на коленях и сложила руки на своих плечах. Черте что и сбоку бантик...

– Жители города! – начал я уже четвертую за сегодня речь. Мне поднесли факел, спасибо. Большое... Я посмотрел на пламя от коптящего факела и на девушку-ведьму. Она смотрела в небо, продолжая лить слезы. Если я ее помилю сейчас, она даже из города не выйдет, припрут ее обратно. Ведьмой она быть не перестанет. Значит, план «Б». – Перед вами стоит ведьма, предательница бога и рода человеческого. Вы не знали ее, но список ее злодеяний велик и страшен... – продолжил я чтение. – Она не признала своей вины, но она напала на нашего принца, члена королевской семьи, она обвинена королевством, она обвинена Смертью. Приговор – смерть через очищающее пламя костра. Есть ли среди вас те, кто желает оспорить решение божественного суда и суда человеческого. – Тишина. – Есть ли среди вас те, кто хочет связать свою жизнь с этой ведьмой и продлить ее участь? – Тишина. – Тогда я! Палач Хел Хельский, выбираю ее в свои жены! – Не, раньше было не тихо. Тихо на площади стало сейчас. Я повернулся к ведьме на костре. – Примешь ли ты мое предложение? Станешь ли ты женой палача города? Будешь ли ты зависеть жизнью от нашего союза? – Она закивала. Ну, хоть позора не будет. – Тогда правом высшего суда! Я дарую помилование вышеназванной ведьме до ее свадьбы и всей семейной жизни!!!

Окунув факел в ведро с водой, я повернулся к монахам. Двое в обмороке, трое крестятся. Я махнул стражникам на кострище, но безрезультатно. Пауза затянулась... Один из монахов очухался и взбежал на помост. Заговорил он довольно тихо, только для меня.

– Вы не можете жениться на ведьме, – почти шепотом заговорил он.

– Почему? – также шепотом спросил я.

– Брак заключается епископом или старшим монахом, а они ведьму не будут венчать... – А ведь он дело говорит. Об этой тонкости я вообще не подумал. Но отступать поздно.

– А меня? А меня как палача они будут венчать? – монах задумался и почти сразу смутился. Значит, нет. Да и я в храм их идти как-то не готов. – Тогда снимайте ее и тащите в темницу, с браком я разберусь сам.

– Но мы не можем... – сказал монах, и только сейчас городская толпа стала орать да кидаться всякой фигней.

– Или ты унесешь ее. Или ее унесу я, к себе. – Монах замотал головой. Ну вот. Тут мы договорились. Теперь толпа. Я повернулся к толпе и вытащил косу из-за спины, стало немного тише. – Жители города! Я никогда не вмешивался в ваш выбор супруга. Так почему вы решаете, что мне можно или нет? Если на этой площади есть несогласные – выходите сюда, выходите на эшафот ко мне, к палачу. И выскажите все, что считаете нужным! – Выждав около минуты, я продолжил: – Тогда решено! Королевский суд будет судить меня и мои права, а не вы! Промолчали сейчас, молчите вовек!

Я повернулся к служителям церкви и стражникам, что уже сняли девушку со столба. Стражники были немного пришибленные, монахи трещали между собой, как сороки. Да и плевать. Надо думать. Зачем тебе, Хел, голова? Кушать в нее? Я спустился по лестнице и зашел вслед за монахами в темницу. Девушку развязывать и не пытались, так и положили в клетку. Я не стал препятствовать, мне еще свою задницу прикрывать.

Епископ, королевский советник и принц... хоть тут повезло, примчались через минут двадцать. Злые как черти. Посмотрели на меня. Принц мне подмигнул. Зараза, ему бы в театре выступать. А вот епископ не сдержался.

– Что за цирк вы устроили на площади? Церковный суд вынес приговор! Вы палач, а не сваха!

– Вы правы, не сваха. Я свободный человек. Или это не так? – Епископ молчал. – Я разве не могу выбрать себе жену? Она отказалась? Нет?

– Вы не можете брать в жены смертницу! – попытался возразить епископ.

– Почему? Указ короля Василиска Девятого утверждает, что я человек свободный, а значит, я могу звать в жены любую незамужнюю девушку. Или ведьма замужем?

– Епископ, – положил на его плечо руку принц. – Он здесь прав. Суд разрешает спасать от казни ради брака и создания семьи. А он, как человек свободный, может этим правом воспользоваться.

– Мальчик мой, ты разве не видишь? Эти твари тьмы в стоворе! Он спасает исчадие ада не ради семьи, а ради самого зла, – зашипел старший церковник.

– Это судить не вам. Если семья распадется, он сам же и сожжет ее. Закон такой. Или мне к отцу сходить да уточнить? Мастер Вил, что вы молчите? Вы у нас знаток законов.

Советник немного потоптался на месте и решил снизойти до ответа.

– Действительно, палач имеет право на выбор жены, как свободный человек, и как свободный человек он может спасать смертницу. Правда, подобный инцидент был более двух веков назад, то есть это уже происходило. Поскольку в своей памяти я уверен, то могу точно сказать, что это для палача единственный способ найти жену. Так что мы не можем ему это запретить. Да и потом, дети палача это его наследники и преемники профессии...

– Да это бред! – вспыхнул епископ. – Я не стану их венчать, они от зла, от тьмы. Пусть Смерть их и венчает!

– Я не возражаю, – сказал я, и все посмотрели на меня. А я смотрел на довольную тьму, что стояла около епископа и ставила ему рожки тонкими пальцами. – Тьма обвенчает нас этой ночью. Все, кто желает присутствовать на нашем бракосочетании – прошу в гости.

– Я приду, – сказал принц. – Не каждый день можно увидеть свадьбу палача.

– А я прокляну ваш брак! – зло сказал епископ.

– Сделайте милость, – поклонился я в благодарном поклоне. А что? Каждый берет свое. Тем более что его внутренний свет меньше, чем у монахов, что снимали ведьму со столба, как он может меня проклясть? Насморк найдет?

Все разошлись, а я остался дежурить у клетки со своей невестой. Дважды мимо меня проходили королевские гвардейцы, но делали вид, что это обычный обход. Ага, я так и поверил, что королевская гвардия патрулирует темницу. Но тем не менее после заката в темницу спустились мои свидетели. Принц с расфуфыренной фрейлиной, монах Рон с букетом засохших роз, шаман с супругой и еще человек восемь, мне незнакомых. Стражники отперли клетку с ведьмой. Я вошел внутрь и коснулся измученной девушки, та вздрогнула и постаралась разглядеть меня. Я же снял плотную ткань с ее рта. Беденькая, что же эти твари с тобой делали... Цепи и веревки с ее тела также снял я. Идти она уже никуда не могла, поэтому я поднял невесомую девушку и вынес ее из клетки. Мы покинули темницу и вышли в замковый парк. Неплохо, я боялся, что нас на кладбище отведут. Принц посмотрел на меня и кивнул, «начинай», мол. Я посадил ведьму на скамью и наклонился к ее уху.

– Как твое имя? Невеста.

– Мирь... Мирия, – тихо прошептала она, запнувшись.

Я осмотрелся, Тьма сгустилась у яблони. Какая пошлость. Или это не из этой оперы? Я выпрямился и повернулся к свидетелям. Не уверен, что Мирия мечтала о такой свадьбе, но она почти наверняка мечтала о жизни.

– Дорогие гости, свидетели, Рон, – начал я свою речь. – Мы собрались сей прелестной ночью для за свидетельствования брака между мной и прелестной ведьмой Мирией. Я не силен в подобных обрядах, но я прошу Тьму, что покровительствует нам, обвенчать нас и признать этот брак вне мира людей, – я повернулся к яблоне.

Тьма собралась вновь и стала наполняться густотой и красками. Вот стали видимыми части ее темных нитей, вот красными каплями вышли в реальный мир ее тонкие пальцы. Маска вспыхнула ярким пятном на пустом месте. Все ахнули и сразу отшатнулись. Смерть подала одну свою руку ведьме, что не могла поверить своим глазам, но она приняла эту руку. Следом руку принял и я. Вот же мля!!! Больно-то как!!! Она как из огня и льда одновременно! Но на виду я только улыбнулся. Тьма посмотрела на гостей и поклонилась им, а затем вложила руку Мирии в мою. Боль моментально прошла, а Смерть исчезла из этого мира. Тишина и пара обмороков были нашими аплодисментами и поздравлениями. Хотя нет, вот подходит шаман.

– Примите мои искренние поздравления, – поклонился он нам. – Я желаю вам долгих лет и сил.

– Спасибо, Ига. Правда, спасибо...

Дальше к нам подошли почти все из гостей и поздравили примерно так же. А где подарки? Чем мне заниматься ночью? Монах не подошел, зато оставил свой вялый букет на скамье. Ну, хоть что-то можно взять с собой. Я вновь поднял уже свою жену на руки, подхватил букет и пошел домой. Путь до дома был долгим, девочка вроде легкая, но руки предательски затекали. Еле донес.

Пинком открыл домашнюю дверь и внес свою жену домой. Девушка все это время не проронила ни слова, ну хоть держалась за шею, снимая часть груза с рук. Я посмотрел на нее. Все еще в страхе. Из-за меня? Или еще не отошла от кострища? Неважно, я же на самом деле не чудовище, я просто страшный и ужасный, но не чудовище. Я занес бедную девушку на второй этаж и стянул с ее измученного тела тюремные лохмотья. Без одежд ее было еще больше жаль. Кожа да кости, раны и ожоги на теле, следы пыток и множества ударов. Она лежала, как кукла, и ничего не говорила. Я укрыл ее одеялом, открыл окно, пусть чувствует свежий воздух. Сам спустился вниз и разжег печь. Чем ее покормить? Мясо, наверно, нельзя. Значит, суп. Как варить суп? Методом тыка!!!

Среди ночи долбанные куриные бедра разварились и стали пахнуть, как подобает куриному супу. Я наполнил глубокую тарелку, взял кружку с горячим глинтвейном и поднялся наверх. Мирия спала, как я ее оставил. Я выставил все на пол и сбегал вниз за стулом. Второй раз все было выставлено на стул, ну нет тут ни стола, ни тумбочки. Тихонько разбудил девушку, что вздрогнула и попыталась отшатнуться. Указал ей на бульон и кружку, а сам спустился вниз. Чего ее смущать, мы пока не знакомы, чтобы спать в одной кровати. Ага! А где спать мне?..

Сегодня пятница! День разврата и порока! Нет. Сегодня пятый день. И всё. Всё, я сказал! Спина у меня затекла, просто жуть. Еще бы, кто спал хоть раз на трех деревянных стульях – меня поймет. Утро. Рассвет еще не начался. Сколько я спал? Часа четыре? Я сел под скрип стула и хруст позвоночника. Устал я чего-то. Размяв шею, я сходил и умылся. Вернулся в первую комнату, убрал ночные отходы, собрал остальной мусор. Приготовился делать завтрак. Стук в дверь меня отвлек. Я снял сковороду с огня и вышел. Девочка Рата. Сегодня рано. Я взял хлеб с небольшим запасом и вернулся на кухню, вновь поставил сковороду. Опять стук. Да вы издеваетесь! Снова снимаю сковороду. Открываю дверь.

– Рон, Тир тебя ети. Ты чего в такую рань? И что это за...

– Это подарок мой вам на свадьбу... – прохрипел монах и заволок в дом тяжелый котел. – Вчера я думал, что вас на дыбе вздернут, а вас обвенчала Тьма. Прости, святой Тир. Вот я и подумал, что надо подарочек.

– И зачем мне котел? – я прикрыл дверь.

– У нас в закромах он все равно пылится без дела. Наследство от предыдущей ведьмы. Утварь в конце концов. – Монах выпрямился и размял спину. – Это у тебя что? – он ловко подбежал к кастрюле с супом. Я перехватил его жадные руки.

– Не для тебя это.

– Силы Света, дайте мне силы! Подлая ведьма очаровала тебя, ты раб! Зло в твоей душе уже не остановить!!! – хватаясь за сердце, отплясывал монах.

– Да успокойся ты. Она болеет. Где твое сострадание? Я сейчас тосты с яйцами сделаю. Монах осел на стуле.

– Не пугай старого человека. Я уже думал, что всё, нет тебя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.